

ДЖОНАТАН СВИФТ

Все путешествия

Гулливера

Детская библиотека (Эксмо)

Джонатан Свифт
Все путешествия Гулливера

«Эксмо»

1727

УДК 821.111-313.3

ББК 84(4Вел)-44

Свифт Д.

Все путешествия Гулливера / Д. Свифт — «Эксмо»,
1727 — (Детская библиотека (Эксмо))

ISBN 978-5-699-17792-9

Знаменитый фантастический роман английского писателя Джонатана Свифта
(1667–1745) о невероятных путешествиях судового врача Лемюэля Гулливера.

УДК 821.111-313.3

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-17792-9

© Свифт Д., 1727

© Эксмо, 1727

Содержание

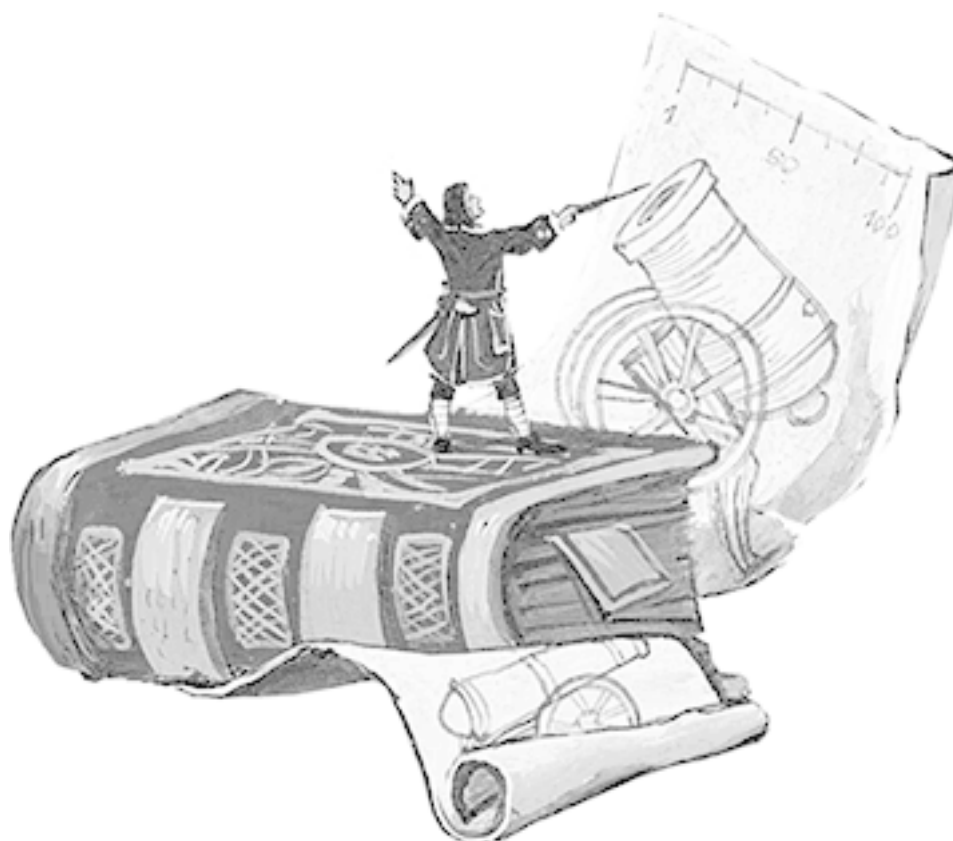
Часть первая	6
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	21
Глава IV	28
Глава V	32
Глава VI	37
Глава VII	43
Глава VIII	50
Часть вторая	55
Глава I	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джонатан Свифт

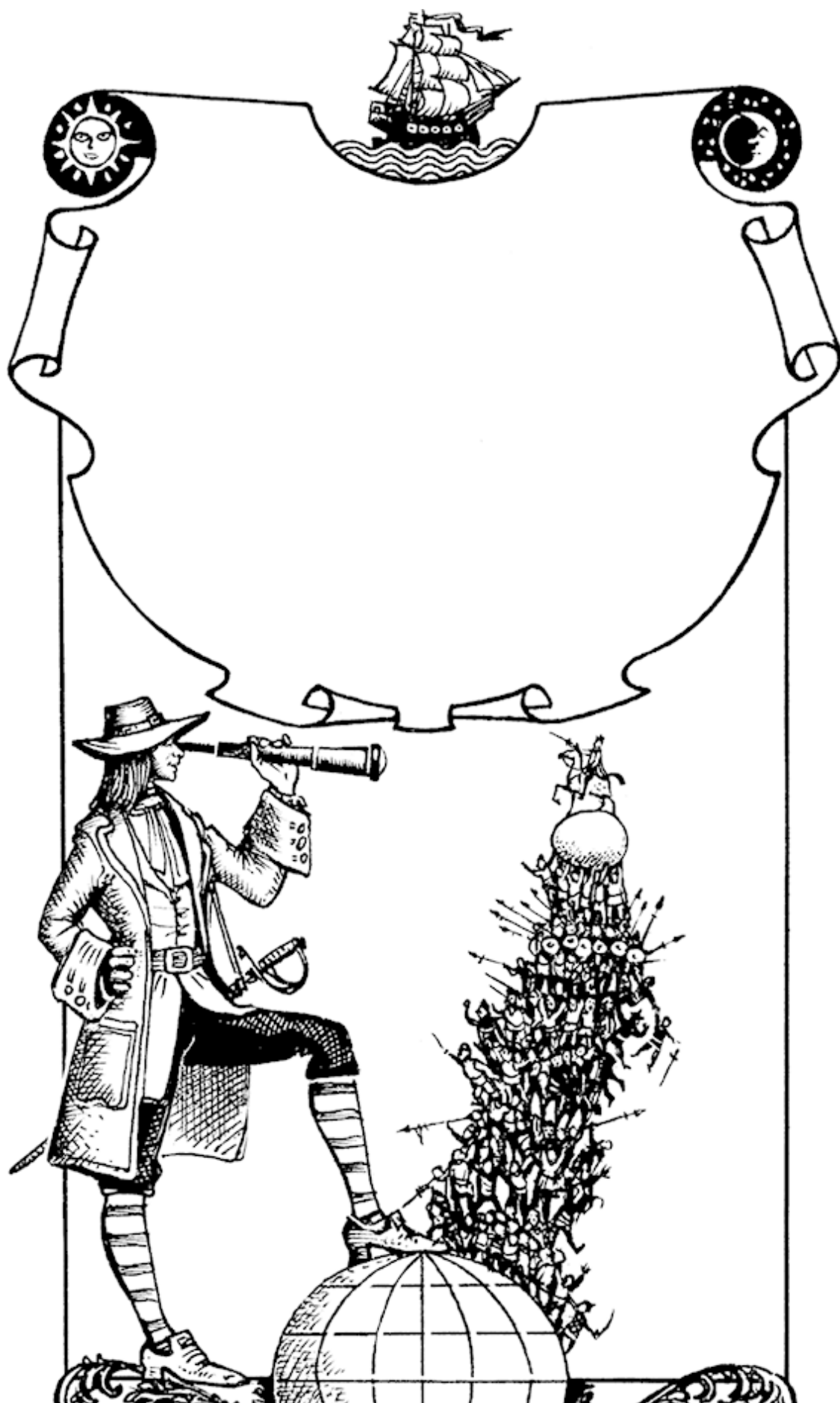
Все путешествия Гулливера

© ООО «Издательство «Эксмо», Серийное оформление, 2019

* * *

Часть первая Путешествие в Лилипутию

Глава I

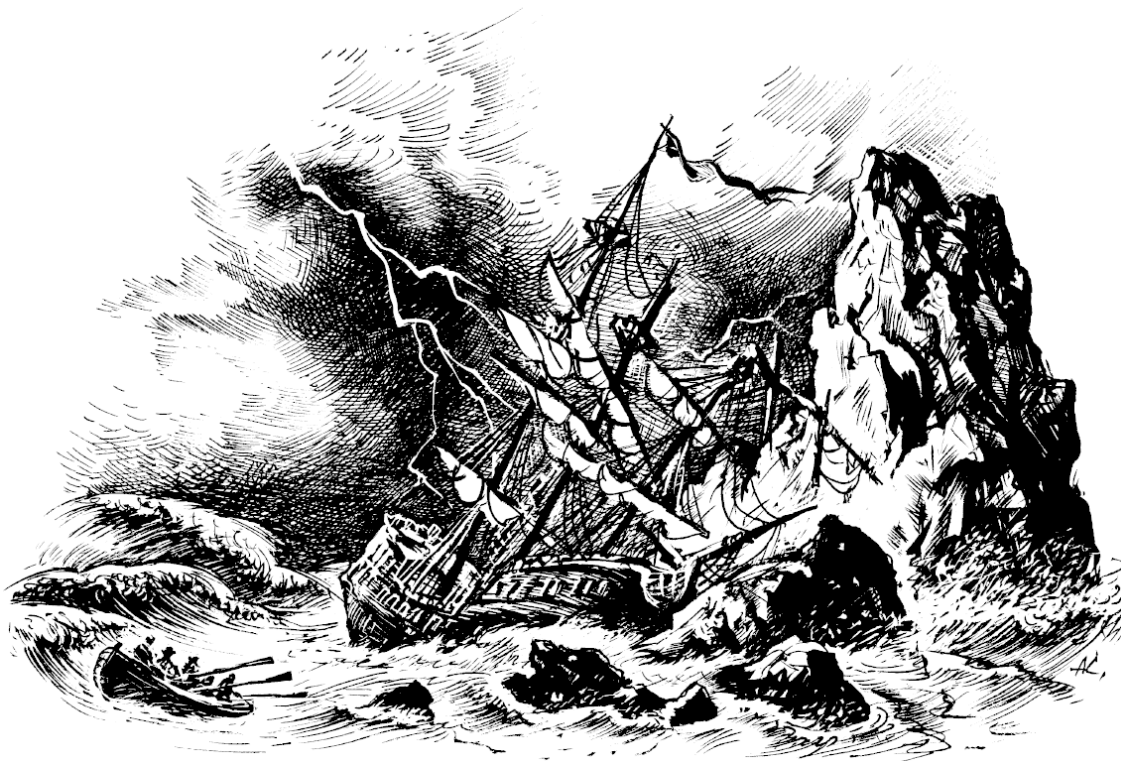
Автор дает сведения о себе и о своем семействе. Что побудило автора отправиться в путешествие. Он претерпевает кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает берега страны лилипутов. Его берут в плен и увозят в глубь страны.

Мой отец имел небольшое поместье в Ноттингемшире; я был третий из его пяти сыновей. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, он послал меня в колледж Эммануила в Кембридже, где я пробыл три года, прилежно отдаваясь своим занятиям. Хотя я получал весьма скудное содержание, однако и оно ложилось тяжелым бременем на отца, состояние которого было незначительно; поэтому меня отдали в ученье к мистеру Джемсу Бетсу, выдающемуся хирургу в Лондоне, у которого я прожил четыре года. Небольшие деньги, присылаемые мне по временам отцом, я тратил на приобретение пособий для изучения навигации и других отраслей математики, полезных человеку, желающему посвятить себя путешествиям, так как я всегда думал, что рано или поздно мне выпадет эта доля. Оставив мистера Бетса, я возвратился к отцу, и у него, у дяди Джона и у других родственников мне удалось получить сорок фунтов стерлингов и обещание ежегодно высылать мне в Лейден еще тридцать фунтов. В этом городе, в продолжение двух лет и семи месяцев, я изучал медицину, будучи уверен, что знание ее окажется мне полезным в дальних путешествиях.

Вскоре по возвращении из Лейдена я, по рекомендации моего доброго учителя мистера Бетса, поступил хирургом на судно «Ласточка», ходившее под командой капитана Авраама Паннеля. Я проплавал с ним три с половиной года, совершил одно-два путешествия в Левант и в некоторые другие страны. Возвратившись в Англию, я решил поселиться в Лондоне; к этому поощрял меня и мистер Бетс, мой учитель, который порекомендовал меня нескольким своим пациентам. Я нанял квартиру в небольшом доме на Олд-Джюри и, вняв советам родных не оставаться холостяком, женился на мисс Мери Бертон, второй дочери мистера Эдмунда Бертон, чулочного торговца на Ньюгет-стрит, за которой получил четыреста фунтов приданого.

Но так как спустя два года мой добрый учитель Бетс умер, а друзей у меня было немного, то дела мои пошатнулись, ибо совесть не позволяла мне подражать шарлатанству многих моих собратьев. Вот почему, посоветовавшись с женой и некоторыми знакомыми, я решил снова отправиться в плавание. Я поступил хирургом сперва на одно, а потом на другое судно и в продолжение шести лет совершил несколько путешествий в Восточную и Западную Индию, что несколько поправило мои денежные дела. Часы досуга я посвящал чтению лучших авторов, прежних и современных, так как всегда запасался в дорогу книгами; на берегу же наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык, что, благодаря хорошей памяти, давалось мне очень легко.

Последнее из этих путешествий было не особенно счастливо, и потому, утомленный морскою жизнью, я решил жить дома с женой и детьми. Я перебрался с Олд-Джюри в Феттер-Лейн, а оттуда в Уоппинг, надеясь иметь практику среди моряков, но эта надежда не оправдалась. Три года я провел в ожидании, что положение мое улучшится, и наконец принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца судна «Антилопа», отправиться с ним в Южный океан. 4 мая 1699 года мы отплыли из Бристоля, и наше путешествие было сначала очень удачно.

Не стоит утомлять внимание читателя подробным описанием наших приключений в этих морях; достаточно сказать, что при переходе в Ост-Индию мы были отнесены страшной бурей к северо-западу от Ван-Дименовой земли. Согласно наблюдениям, мы находились на 30° южной широты. Двенадцать человек нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи; остальные были в состоянии полного изнеможения. 5 ноября (начало лета в этих местах) было очень пасмурно, так что матросы только на расстоянии полукабельтова от корабля заметили скалу; между тем страшный ветер гнал корабль прямо на эту скалу, и он мгновенно разбился в щепки. Шестеро из экипажа, в том числе я, спустили шлюпку на воду и благополучно отъехали от корабля и скалы. По моим расчетам, мы шли на веслах около трех миль, пока совсем не выбились из сил, так как были переутомлены уже на корабле. Поэтому мы отдались на волю ветра и волн, и через полчаса шлюпка была опрокинута внезапно налетевшим с севера шквалом. Что случилось с моими товарищами по шлюпке, а равно и с теми, которые нашли убежище на скале или остались на корабле, не могу сказать; думаю, что все они погибли. Что касается меня самого, то я поплыл наугад, подгоняемый ветром и приливом. Я часто опускал ногу, но не мог нащупать дно; и вот в то время когда я совсем уже выбился из сил и не способен был больше бороться с волнами, буря значительно утихла, и я почувствовал под ногами землю. Дно в этом месте было так отлого, что мне пришлось пройти более мили, прежде чем я добрался до берега; было, должно быть, около девяти часов вечера. Я прошел с полмили, но не обнаружил никаких признаков жилья и населения, или по крайней мере был слишком слаб, чтобы различить что-нибудь. Я чувствовал крайнюю усталость; от усталости, жары, а также от выпитой мной еще на корабле полпинты водки меня сильно клонило ко сну. Я лег на траву, которая была здесь очень низкая и мягкая, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни. По моему расчету, сон мой продолжался около девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я хотел встать, но не мог пошевелинуться; я лежал на спине и чувствовал, что мои руки и ноги с обеих сторон крепко привязаны к земле и точно так же прикреплены к земле мои длинные и густые волосы; а все мое тело, от подмышек до бедер, опутано целой сетью тонких бечевки. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его ослеплял глаза. Кругом меня слышался какой-то глухой шум, но в том положении, в котором

я лежал, я не мог видеть ничего, кроме неба. Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня на левой ноге, мягко поползло по груди и остановилось у самого подбородка. Опустив глаза как можно ниже, я различил перед собою человечка, ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, как вслед за ним на меня взбирается по крайней мере еще около сорока подобных же (как мне показалось) созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что они все в ужасе разбежались, причем некоторые из них, как я узнал потом, соскакивая и падая с моего туловища на землю, получили сильные ушибы. Однако скоро они возвратились снова, и один из них, отважившийся подойти так близко, что ему было видно все мое лицо, в знак удивления поднял кверху руки и глаза и тоненьким голосом, но отчетливо прокричал: *Гекина дегуль*; остальные несколько раз повторили эти слова, но я не понял тогда их значения. Читатель может себе представить, в каком неудобном положении я лежал все это время. Наконец после большого усилия мне посчастливилось порвать веревочки и выдернуть деревянные колышки, к которым была привязана левая рука; поднеся ее к лицу, я понял, каким способом они связали меня. В то же время, сделав страшное усилие, причинившее мне нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы к земле с левой стороны, что позволило мне повернуть голову на два дюйма. Но созданыица вторично спаслись бегством, прежде чем я успел изловить кого-нибудь из них. Затем раздался пронзительный вопль, и, когда он затих, я услышал, как кто-то из них громко прокричал: *Тольго фонак*. В то же мгновение я почувствовал, что на мою левую руку посыпались сотни стрел, которые кололи меня, как иголки; после этого последовал второй залп в воздух, вроде того, как у нас в Европе стреляют из мортир, причем, я полагаю, много стрел упало на мое тело (хотя я не почувствовал этого) и несколько на лицо, которое я поспешил прикрыть левой рукой. Когда этот град стрел прошел, я застонал от злости и боли и снова попробовал освободиться, но тогда последовал третий залп, сильнее первых двух, причем враги мои пытались колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была куртка из буйволовой кожи, которую они не могли пробить. Я рассудил, что самое благоразумное пролежать спокойно до наступления ночи, и тогда левой рукой я легко освобожусь; что же касается туземцев, то я имел основание надеяться, что справлюсь и с большей армией, если только она будет состоять из существ такого же роста, как те, которых я видел перед собою. Однако судьба решила иначе. Когда эти люди заметили, что я лежу спокойно, они перестали метать стрелы, но в то же время по усилившемуся шуму я заключил, что число их возросло. На расстоянии четырех ярдов от меня возле правого уха я услышал стук, продолжавшийся больше часа, точно возводилась какая-то постройка. Повернув голову, насколько позволяли державшие ее веревочки и колышки, я увидел деревянный помост, возвышавшийся над землей на полтора фута, на котором могло уместиться четверо таких человечков, а возле помоста две или три лестницы, чтобы восходить на него. Оттуда один из них, по-видимому знатная особа, обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял. Но я должен упомянуть, что перед началом своей речи высокая особа трижды прокричала: *Лангро дегюль сан* (эти слова, равно как и предыдущие, впоследствии мне повторили и перевели). Сейчас же после этого ко мне подошли человек пятьдесят туземцев и обрезами веревки, прикреплявшие левую сторону головы, что дало мне возможность повернуть ее направо и таким образом наблюдать лицо и жесты оратора. Он мне показался человечком средних лет, ростом выше трех других, сопровождавших его; один из них, величиной с мой средний палец, вероятно паж, держал его шлейф, два других стояли по сторонам в качестве почетной стражи. Он произнес речь по всем правилам ораторского искусства: некоторые части ее выражали угрозу, другие – обещание, сожаление и благосклонность. Я отвечал в немногих словах с видом величайшей покорности, подняв к солнцу взор и левую руку и как бы призывая светило в свидетели, и так как я почти умирал от голода – в последний раз я поел за несколько часов перед тем, как оставить корабль, – то требования природы были так повелительны, что я не мог сдержать своего нетерпения и (быть

может, нарушая строгие правила приличия) несколько раз поднес палец ко рту, желая показать, что хочу есть. Гурго (так они называли важного сановника, как я узнал потом) отлично понял меня. Он сошел с помоста и приказал приставить к бокам моим несколько лестниц, по которым взобрались и направились к моему рту более ста туземцев, нагруженных корзинами с кушаньями, которые были приготовлены и присланы по повелению монарха, как только до него дошло известие о моем появлении. В кушанья эти входило мясо каких-то животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Там были лопатки, окорока и филе, с виду напоминавшие баранину, очень хорошо приготовленные, но каждая часть едва равнялась крылу жаворонка. Я проглатывал разом по два и по три блюда вместе с тремя хлебцами, из которых каждый был не больше ружейной пули. Туземцы прислуживали мне весьма расторопно и тысячами знаков выражали свое удивление моим ростом и аппетитом. По этому аппетиту они заключили, что малым меня удовлетворить нельзя, и потому, когда я знаками попросил пить, они необычайно ловко подкатили к моей руке одну из самых больших бочек и вышибли из нее дно; я без труда осушил ее одним духом, потому что она вмещала не более нашей полупинты. Вино по вкусу напоминало бургундское, но было гораздо приятнее. Затем они поднесли мне другую бочку, которую я выпил таким же манером и сделал знак, чтобы дали еще, но у них больше не было. Когда я совершал все описанные чудеса, человечки, восторженно крича, танцевали у меня на груди и много раз повторяли свое первое восклицание: *Текина дегуль*. Знаками они попросили меня сбросить обе бочки на землю, но сначала приказали толпившимся внизу посторониться, громко крича: *Бора мевала*, а когда бочки взлетели в воздух, раздались ликующие возгласы: *Текина дегуль*. Сказать правду, меня сильно искушало желание схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человечков, когда они разгуливали взад и вперед по моему телу, и сбросить их. Но сознание, что они могли причинить мне еще большие неприятности, чем те, что я уже испытал, а равно торжественное обещание, данное мною им, – ибо так толковал я свое изъявление глубокой покорности – скоро прогнали эти мысли. Кроме того, я считал себя связанным законами гостеприимства с этим маленьким народом, который не пожалел для меня издержек на великолепное угощение. Вместе с тем я не мог достаточно надивиться неустрашимости крошечных созданий, отваживавшихся взбираться на мое тело и прогуливаться по нему, в то время как одна моя рука была свободна, и не испытывавших содрогания при виде такого страшного чудовища, каким я должен был казаться им. Спустя некоторое время, когда они увидели, что я не прошу больше есть, ко мне явилась особа высокого чина от лица его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на мою правую голень, направился к моему лицу в сопровождении десятка человек свиты. Он предъявил свои верительные грамоты за королевскую печать, приблизил их к моему глазу, и обратился с речью, которая продолжалась около десяти минут и была сказана без малейших признаков гнева, но с авторитетом и решительностью, причем он часто указывал пальцем вперед, как оказалось потом, по направлению к столице, находившейся от нас на расстоянии в полумиллю, куда, по решению его величества и государственного совета, меня должны были перевезти. Я ответил в нескольких словах, которые остались непонятыми, так что мне пришлось прибегнуть к помощи жестов: я показал своей свободной рукой на другую руку (но сделал это движение высоко над головой его превосходительства, боясь задеть его или его свиту), затем на голову и тело, давая понять таким образом, чтобы меня освободили. Вероятно, его превосходительство понял меня достаточно хорошо, потому что, покачив отрицательно головой, жестами пояснил, что я должен быть отвезен в столицу как пленник. Наряду с этим он делал и другие знаки, давая понять, что меня будут там кормить, поить и вообще обходиться со мной хорошо. Тут у меня снова возникло желание попытаться разорвать свои узы; но, чувствуя еще жгучую боль на лице и руках, покрывшихся волдырями, причем много стрел еще торчало в них, и заметив, что число моих неприятелей все время возрастает, я дал понять, что они могут делать со мной все, что им угодно. Довольные моим согласием, Гурго и его

свита любезно раскланялись и удалились с веселыми лицами. Вскоре после этого я заметил общее ликование и услышал часто повторявшиеся слова: пеплам селян, и увидел с левой стороны большую толпу, которая ослабила веревки в такой степени, что я мог повернуться на правую сторону. Мне помазали лицо и руки каким-то приятно пахнущим составом, который в несколько минут успокоил жгучую боль, причиненную их стрелами. Все это, в соединении с сытным завтраком и прекрасным вином, благотворно действовало на меня и склонило ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов; в этом нет ничего удивительного, так как врачи, по приказанию императора, подмешали сонного питья в бочки с вином.

Вероятно, как только туземцы нашли меня спящего на берегу после кораблекрушения, они немедленно послали гонца к императору с известием об этом открытии. Тотчас был собран государственный совет и вынесено постановление связать меня вышеописанным способом (что было исполнено ночью, когда я спал), отправить мне в большом количестве провизию и питье и приготовить машину для перевозки меня в столицу.

Быть может, такое решение покажется слишком смелым и опасным, и я убежден, что в аналогичном случае ни один европейский монарх не поступил бы подобным образом. Однако, по-моему, это решение было столь же благоразумно, как и великодушно. В самом деле, допустим, что эти люди попытались бы, пока я спал, убить меня своими копьями и стрелами. Что же вышло бы? Почувствовав боль, я, наверное, сразу же проснулся бы и в припадке ярости оборвал бы веревки, которыми был связан; после чего они не могли бы сопротивляться и ожидать от меня пощады.

Эти люди – превосходные математики и достигли большого совершенства в механике благодаря поощрениям и поддержке императора, известного покровителя наук. У этого монарха есть много машин на колесах для перевозки бревен и других тяжестей. Он часто строит громадные военные корабли, иногда достигающие девяти футов длины, в местах, где растет строевой лес, и оттуда перевозит их на этих машинах за триста или четыреста ярдов к морю. Пятистам плотникам и инженерам было поручено немедленно изготовить самую боль-

шую повозку, какую только им приходилось делать. Это была деревянная платформа на двадцати двух колесах, около семи футов в длину и четырех в ширину, возвышавшаяся на три дюйма от земли. Услышанные мною восклицания были приветствием народа по случаю прибытия этой повозки, которая была отправлена за мною, кажется, спустя четыре часа после того, как я вышел на берег. Ее поставили возле меня, параллельно моему туловищу. Главная трудность состояла, однако, в том, чтобы поднять и уложить меня в описанную повозку. С этой целью были вбиты восемьдесят свай, вышиной в один фут каждая, и приготовлены очень крепкие канаты толщиной в обыкновенную бечевку; канаты эти были прикреплены крючками к многочисленным повязкам, которыми рабочие обвили мою шею, руки, туловище и ноги. Девятьсот отборных силачей стали тащить за канаты при помощи множества блоков, прикрепленных к сваям, и таким образом после трех часов работы меня подняли, положили в повозку и крепко привязали к ней. Все это рассказали мне потом, так как во время операции я спал глубоким сном, в который был погружен микстурой, примешанной к вину. Понадобилось полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, вышиной около четырех с половиной дюймов каждая, чтобы привезти меня в столицу, расположенную, как уже было сказано, на расстоянии полумили от берега.

Мы находились в дороге уже часа четыре, когда я проснулся благодаря весьма забавному случаю. Повозка остановилась для какой-то починки; воспользовавшись этим, два или три молодых человека любопытствовали, какое у меня выражение, когда я сплю; они взобрались на повозку и тихонько прокрались к моему лицу; тут один из них, гвардейский офицер, засунул мне в левую ноздрю острие своей пики; оно защекотало, как соломинка, и я громко чихнул. Испуганные храбрецы мгновенно скрылись, и только через три недели я узнал причину моего внезапного пробуждения. Весь остаток дня мы провели в дороге; ночью расположились на отдых, и подле меня было поставлено на страже по пятисот гвардейцев с обеих сторон, половина с факелами, а другая половина с луками наготове, чтобы стрелять при первой моей попытке пошевелиться. Но с восходом солнца мы снова тронулись в путь и к полудню находились в двухстах ярдах от городских ворот. Навстречу вышли император и весь его двор, но высшие сановники решительно воспротивились намерению его величества подняться на мое тело, боясь подвергнуть опасности его особу.

На площади, где остановилась повозка, возвышался древний храм, считавшийся самым обширным во всем королевстве. Несколько лет тому назад храм этот был осквернен зверским убийством, и с тех пор здешнее население, отличающееся большой религиозностью, стало смотреть на него, как на место, не достойное святыни; вследствие этого он был обращен в общественное здание, из него были вынесены все убранства и вся утварь. Это здание и было назначено для моего жительства. Большая дверь, обращенная на север, имела около четырех футов в высоту и почти два фута в ширину, так что я мог довольно свободно проползать через нее. По обеим сторонам двери, на расстоянии каких-нибудь шести дюймов от земли, были расположены два маленьких окна; в левое окно придворные кузнецы провели девяносто одну цепочку вроде тех, что носят у часов наши европейские дамы, и почти такой же величины; цепочки эти были закреплены на моей левой ноге тридцатью шестью висячими замками. Против храма, по другую сторону большой дороги, на расстоянии двадцати футов, стояла башня не менее пяти футов вышины. На эту башню взобрался император со множеством придворных, чтобы лучше рассмотреть меня, как мне передавали, потому что сам я не обратил на них внимания. По произведенным подсчетам, около ста тысяч народа с той же целью покинуло город; и я полагаю, что, невзирая на стражу, не менее десяти тысяч любопытных перебивало на мне в разное время, взбираясь на мое тело по лестницам. Скоро, однако, был издан указ, запрещающий это под страхом смертной казни. Когда кузнецы нашли, что вырваться мне невозможно, они обрезали связывавшие меня веревки, и я поднялся в таком сумрачном настроении, какого у меня не было никогда в жизни. Шум и изучение толпы, увидевшей, как я встал и хожу, не

поддаются описанию. Цепи, приковывавшие мою левую ногу, были около двух ярдов длины и не только давали мне возможность гулять взад и вперед, описывая полукруг, но, будучи укреплены на расстоянии четырех дюймов от двери, позволяли также вползать в храм и ложиться в нем, вытянувшись во весь рост.

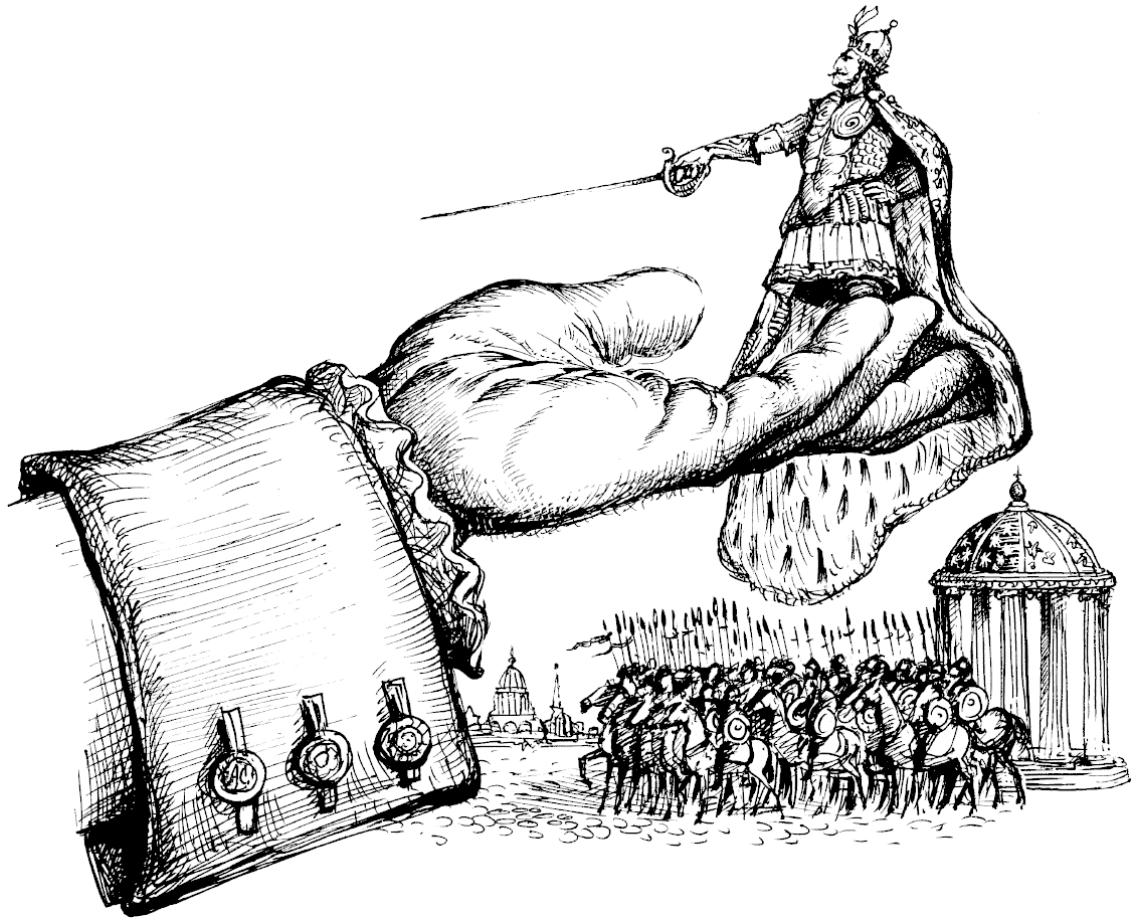
Глава II

Император Лилипутии в сопровождении многочисленных вельмож приходит навестить автора в его заключении. Описание наружности и одежды императора. Автору назначают учителей для обучения языку лилипутов. Своим кротким поведением автор добивается благосклонности императора. Обыскивают карманы автора и отбирают у него саблю и пистолеты.

Я спокойно переносил свой плен в такой утомительной позе, но теперь с большим удовольствием снова поднялся на ноги и осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не приходилось видеть более привлекательного пейзажа. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом, а огороженные поля, из которых каждое занимало не более сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередовались с лесом вышиной в сажень; в нем самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более семи футов. Налево лежал город, похожий на декорации в театре.

Я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Император уже спустился с башни и направлялся ко мне верхом на лошади. Эта смелость едва не обошлась ему очень дорого. Дело в том, что хотя его лошадь была прекрасно тренирована, но при таком необычайном зрелище – ведь на нее словно гора двинулась – взвилась на дыбы. Однако император, будучи превосходным наездником, удержался в седле, пока не подоспели придворные, которые, схватив коня под уздцы, помогли ему сойти. Его величество с большим восхищением осмотрел меня со всех сторон, держась, однако, на почтительном расстоянии. Он приказал своим поварам и лакеям, стоявшим наготове, подать мне есть и пить, и те подкатывали ко мне провизию и вино в особых тележках на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро опустошал; в двадцати таких тележках находились кушанья, а в десяти напитки. Каждая тележка с провизией уничтожалась в два или три глотка, а что касается вина, то я вылил содержимое десяти глиняных фляжек в одну повозочку и разом осушил ее; так же я поступил и с остальными сосудами. Императрица, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами сидели в креслах на некотором расстоянии, но после приключения с лошадью императора все они встали и окружили его величество, портрет которого я хочу теперь дать читателю. Ростом он на мой ноготь выше всех своих придворных; одного этого совершенно достаточно, чтобы внушать зрителям чувство почтительного страха. Черты лица его сильные и мужественные, губы австрийские, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, руки и ноги пропорциональные, движения грациозные, осанка величественная. Он уже не первой молодости, ему двадцать восемь лет и девять месяцев, и семь из них он царствует, окруженный благополучием, и большей частью победоносно. Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лег на бок, так что мое лицо пришлось как раз против него, причем он стоял на расстоянии всего трех ярдов от меня; кроме того, впоследствии я несколько раз брал его на руки и потому не могу ошибиться при описании его наружности. Одежда императора очень скромная и простая, по фасону – нечто среднее между азиатским и европейским, на голове легкий золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и плюмажем. Он держал в руке обнаженную шпагу для защиты, на случай если бы я разорвал цепь; шпага эта была длиною около трех дюймов, ее золотой эфес и ножны украшены бриллиантами. Голос его величества пронзительный, но чистый и до такой степени внятный, что я, стоя, мог ясно различать произносимые им слова. Дамы и придворные все были великолепно одеты, так что занимаемое ими место было похоже на разостланную юбку, вышитую золотыми и серебряными узорами. Его императорское величество часто обращался ко мне с вопросами, на которые я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорил каждый из нас. Здесь же находились священники и юристы (как я догадался по их костюму), которым было приказано вступать со мною в разговор; я, в свою очередь, заговари-

вал с ними на разных языках, с которыми был хоть немного знаком: по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски, но все это не привело ни к чему.

Спустя два часа двор удалился, и я был оставлен под сильным караулом для охраны от дерзких и, может быть, даже злобных выходок черни, которая с нетерпением теснилась вокруг меня, стараясь протолкаться как можно ближе; у некоторых достало даже бесстыдства пустить в меня несколько стрел, в то время как я сидел на земле у дверей моего дома; одна из этих стрел едва не угодила мне в левый глаз. Однако полковник приказал арестовать шесть зачинщиков и решил, что для них самое лучшее наказание – это связать их и отдать в мои руки. Солдаты так и сделали, подталкивая ко мне озорников тупыми концами пик; я взял их всех в правую руку и пятерых положил в карман камзола; что же касается шестого, то я сделал вид, будто хочу съесть его живьем. Бедный человечек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры пришли в сильное беспокойство, особенно когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож. Но скоро я успокоил их: ласково смотря на моего пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю; он мигом убежал. Точно так же я поступил и с остальными, которых поочередно вынимал из кармана. И я увидел, что солдаты и народ остались очень довольны моим милосердием, которое оказало мне также большую услугу при дворе.

С наступлением ночи я не без затруднений вошел в свой дом и лег спать на голой земле. Таким образом я проводил ночи около двух недель, в течение которых по приказанию императора для меня была изготовлена постель. Ко мне были привезены шестьсот матрацев обыкновенной величины; сто пятьдесят штук были сшиты вместе, и таким образом образовался один матрац, подходящий для меня в длину и ширину; четыре таких матраца положили один на другой, но, несмотря на это, моя постель была немногим мягче гладкого каменного пола. По такому расчету были сделаны также простыни, одеяла и покрывала, впрочем, достаточно сносные для человека, давно приученного к лишениям.

Едва разнеслась весть о моем прибытии, как отовсюду начали стекаться массы богатых, праздных и любопытных людей. Деревни почти опустели, отчего последовал бы большой ущерб для земледелия и домашнего хозяйства, если бы своевременные распоряжения его величества не предупредили бедствия. Император повелел тем, кто меня уже видел, возвратиться домой и не приближаться к моему помещению ближе пятидесяти ярдов без особенного на то разрешения двора, что принесло большой доход министерским чиновникам.

Между тем император держал частые советы, на которых обсуждался вопрос, как поступить со мной. Позднее я узнал от одного моего близкого друга, особы весьма знатной и достаточно посвященной в государственные тайны, что двор находился в большом затруднении относительно меня. С одной стороны, боялись, чтобы я не убежал; с другой – возникало опасение, что мое содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Иные останавливались на мысли уморить меня или по крайней мере засыпать мое лицо и руки отравленными стрелами, чтобы скорее отправить на тот свет; но другие высказывали опасение, что разложение такого громадного трупa может вызвать чуму в столице и во всем королевстве. В разгар этих совещаний у дверей большой залы совета собралось несколько офицеров, и двое из них, будучи допущены в собрание, представили подробный доклад о моем поступке с шестью

вышеупомянутыми озорниками. Это обстоятельство произвело такое благоприятное впечатление на его величество и государственный совет, что немедленно был издан указ императора, обязывавший все деревни, находящиеся в пределах девяти сот ярдов от столицы, доставлять каждое утро по шести быков, сорока баранов и другую живность для моего стола, вместе с соответствующим количеством хлеба, вина и других напитков, по установленной таксе и на счет сумм, ассигнованных с этой целью из собственной казны его величества. Нужно заметить, что этот монарх живет на доходы со своих личных имений и весьма редко, в самых экстренных случаях, обращается за субсидией к подданным, которые зато обязаны, по его требованию, являться на войну в собственном вооружении. Кроме того, мне назначили в услужение шестьсот человек, которым положили жалованье, достаточное для их пропитания, и построили им по обеим сторонам двери моего замка удобные палатки. Также отдан был приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм по местному фасону, а шесть самых знаменитых придворных ученых стали обучать меня языку этой страны. Наконец, тем же приказом предписывалось возможно чаще производить в моем присутствии экзерциции на лошадях, принадлежащих императору, придворным и гвардии, с целью приучить их ко мне. Все эти приказания были должным образом исполнены, и спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка. В течение этого времени император часто удостоивал меня своими визитами и с удовольствием присутствовал при моих уроках. Мы уже могли объясняться друг с другом, и первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество милостиво даровал мне свободу; слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. В ответ на мою просьбу император, насколько я мог понять его, говорил, что это дело времени, что он не может освободить меня без согласия государственного совета и что прежде я должен *люмоз кельмин пессо десмар лон Эмпозо*, то есть дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, обхождение со мной будет самое любезное, и император советовал терпением и кротким поведением заслужить доброе к себе отношение как его, так и его подданных. Он просил меня не считать оскорблением, если он отдаст приказание специальным чиновникам обыскать меня, так как он полагает, что на мне есть оружие, которое должно быть очень опасным, если соответствует огромным размерам моего тела. Я просил его величество быть спокойным на этот счет, заявив, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Все это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведен двумя его чиновниками, и хотя он отлично понимает, что это требование закона не может быть осуществлено без моего согласия и моей помощи, однако, будучи высокого мнения о моем великодушии и справедливости, он спокойно передаст этих чиновников в мои руки; все же вещи, отобранные ими, будут возвращены мне, если я покину эту страну, или же мне будет за них заплачена назначенная мною цена. Я взял обоих чиновников в руки и положил их сначала в карманы камзола, а потом во все другие, кроме двух жилетных и одного потайного, которого я не хотел показывать, потому что в нем было несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В жилетных карманах лежали: в одном – серебряные часы, а в другом – кошелек с несколькими золотыми. Производившие обыск чиновники имели при себе бумагу, перо и чернила. Они составили подробную опись всему, что нашли. Когда опись была кончена, они попросили меня опустить их на землю, чтобы они могли представить ее императору. Позднее я перевел эту опись на английский язык. Вот она слово в слово:

Во-первых. В правом кармане камзола великого Человека-Горы (так я передаю слова *Куинбус Флестрин*), после тщательного осмотра, мы нашли только большой кусок грубого холста, который по своим размерам мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца вашего величества. В левом кармане мы увидели громадный серебряный сундук с крышкой из того же металла, которую мы не могли поднять. Когда по нашему требованию сундук был открыт и один из нас влез туда, то он по колени погрузился в какую-то пыль, частично развеяв ее, так что мы оба несколько раз громко чихнули. В правом кармане жилета мы нашли громад-

ную кипу тонких белых субстанций, сложенных одна на другую; кипа эта, толщиной в три человеческих обхвата, перевязана прочными канатами и испещрена черными знаками, которые, по скромному нашему предположению, суть не что иное, как письмена, каждая буква которых равняется половине нашей ладони. В левом жилетном кармане мы нашли инструмент, к спинке которого прикреплены двадцать длинных жердей, напоминающих решетку перед дворцом вашего величества; по нашему предположению, этим инструментом Человек-Гора расчесывает свои волосы, но это только предположение: мы не всегда тревожили его расспросами, потому что нам было очень трудно объясняться с ним. В большом кармане с правой стороны среднего чехла (так я перевожу слово *«ранфуло»*, под которым они разумели штаны) мы увидели полый железный столб длиной в рост человека, прикрепленный к крепкому куску дерева, более крупному по размерам, чем сам столб; с одной стороны столба в него вделаны большие выпуклые куски железа весьма странной формы, назначения которых мы не могли определить. Подобная же машина найдена нами и в левом кармане. В меньшем кармане с правой стороны находилось несколько плоских дисков из белого и красного металла различной величины; некоторые белые диски, по-видимому, серебряные, так велики и тяжелы, что мы вдвоем едва могли поднять их. В левом кармане мы нашли две черные колонны неправильной формы; стоя на дне кармана, мы только с большим трудом могли достать их верхушку. Одна из колонн состоит из цельного материала, но на верхнем конце другой есть какое-то круглое белое тело, вдвое больше нашей головы. В каждой колонне заключена огромная стальная пластина. Полагая, что это опасные орудия, мы предъявили Человеку-Горе требование объяснить их употребление. Вынув обе стальные пластины из футляров, он сказал, что в его стране одною из них бреют бороду, а другою режут мясо. Кроме того, на Человеке-Горе мы нашли еще два кармана, куда не могли войти. Эти карманы он называет часовыми, и они помещаются в верхней части среднего чехла, а потому сильно сжаты давлением его брюха. От правого кармана спускается большая серебряная цепь с замечательной машиной, лежащей на дне кармана. Мы приказали ему вынуть все, что было на конце цепи; вынутый предмет оказался похожим на шар, одна половина которого сделана из серебра, а другая – из какого-то прозрачного металла; когда мы, заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, расположенные по окружности, попробовали прикоснуться к ним, то пальцы наши уперлись в это твердое прозрачное вещество. Человек-Гора приблизил эту машину к нашим ушам; тогда мы слышали непрерывный шум, похожий на шум колеса водяной мельницы. Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Но мы более склоняемся на сторону последнего мнения, потому что, по его уверениям (если мы правильно поняли объяснение Человека-Горы, который очень плохо говорит на нашем языке), он редко начинает какое-нибудь дело, не посоветовавшись с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни. Из левого жилетного кармана Человек-Гора вынул сеть почти такой же величины, как рыболовная, но устроенную так, что она может закрываться и открываться наподобие кошелька, чем она и служит ему; в сети мы нашли несколько массивных кусков желтого металла, и если это настоящее золото, то оно должно представлять огромную ценность.

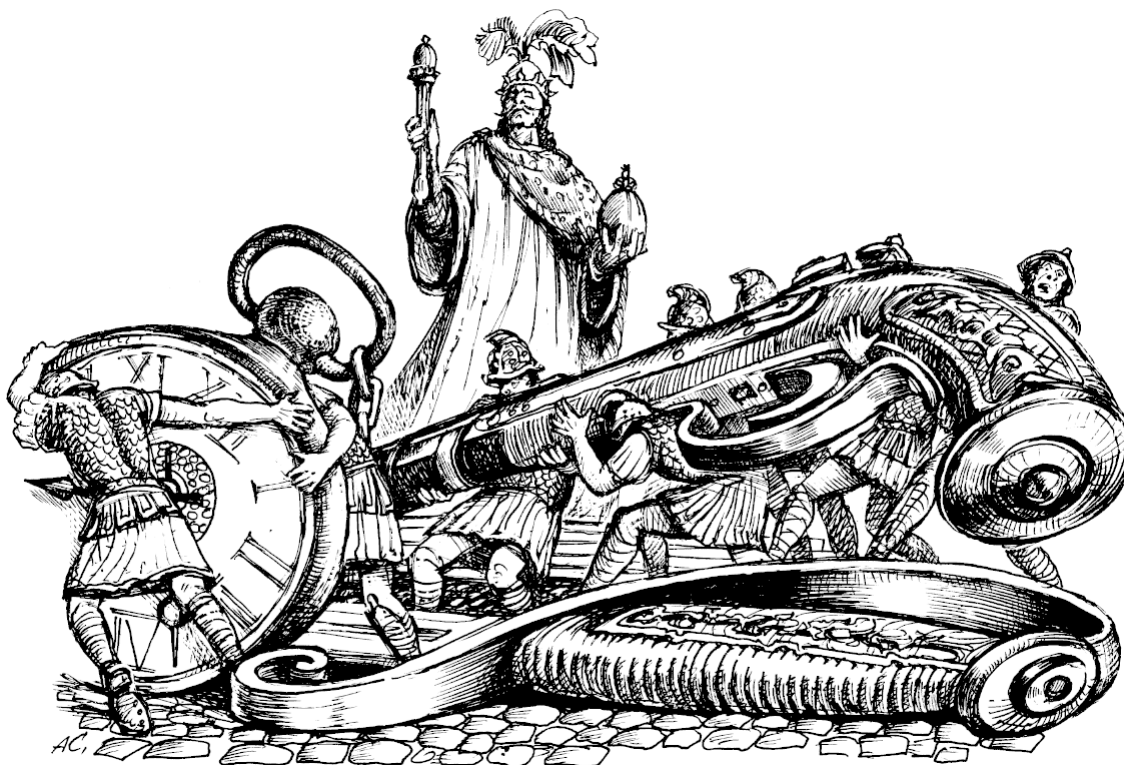
Таким образом, исполняя повеление вашего величества и тщательно осмотрев все карманы Человека-Горы, мы перешли к дальнейшему обследованию и открыли на нем пояс, сделанный из кожи какого-то громадного животного; на этом поясе с левой стороны висит палаш длиной в пять раз более среднего человеческого роста, а с правой – сумка или мешок, разделенный на два отделения, из коих в каждом можно поместить трех подданных вашего величества. Мы нашли в одном отделении сумки множество шаров из крайне тяжелого металла; каждый шар, будучи величиной почти с нашу голову, требует большой силы, чтобы поднять его; в другом отделении лежала куча каких-то черных зерен не очень большого объема и веса; мы могли поместить на ладони до пятидесяти таких зерен.

Такова точная опись найденного нами при обыске Человека-Горы. Во время обыска он держал себя вежливо и с подобающим почтением к исполнителям приказаний вашего величества. Скреплено подписью и приложением печати в четвертый день восемьдесят девятой луны благополучного царствования вашего величества.

Клефрин Фрелок

Марси Фрелок

Когда эта опись была прочитана императору, его величество потребовал, хотя и в самой деликатной форме, чтобы я отдал некоторые перечисленные в ней предметы. Прежде всего он предложил вручить ему палаш, который я снял вместе с ножнами и со всем, что было при нем. Тем временем император приказал трем тысячам отборных солдат (охранявших в этот день его величество) окружить меня на известном расстоянии и держать на прицеле луки, чего я, впрочем, не заметил, так как глаза мои были устремлены на его величество. Император пожелал, чтобы я обнажил палаш, который хотя местами и заржавел от морской воды, но все-таки ярко блестел. Я повиновался, и в тот же момент все солдаты испустили крик ужаса и удивления: отражавшиеся на стали лучи солнца ослепляли их, когда я размахивал палашом из стороны в сторону. Его величество, храбрейший из монархов, испугался меньше, чем я мог ожидать. Он приказал мне вложить оружие в ножны и возможно осторожнее бросить его на землю футов на шесть от конца моей цепи. Затем он потребовал показать полый железный столб: дело шло об одном из моих карманных пистолетов. Я вынул пистолет и по просьбе императора растолковал, как мог, его употребление; затем, зарядив его только порохом, который благодаря герметически закрытой пороховнице оказался совершенно сухим (все предусмотрительные моряки принимают на этот счет особые меры предосторожности), я, предупредив императора, чтобы он не испугался, выстрелил в воздух. На этот раз удивление и ужас были гораздо сильнее, чем при виде моего палаша. Сотни человек попадали в обморок, и даже сам император, хотя и устоял на ногах, некоторое время не мог прийти в себя. Я вручил императору оба пистолета и так же поступил с пулями и порохом, но просил его величество держать последний подальше от огня, так как от малейшей искры он может воспламениться и взорвать на воздух императорский дворец. Равным образом я вручил ему свои часы, которые император осмотрел с большим любопытством и приказал двум самым дюжим гвардейцам унести их, надев на шест и положив шест на плечи, вроде того как носильщики в Англии таскают бочонки с элем. Всего более поразил императора непрерывный шум часового механизма и движение минутной стрелки, которое ему было хорошо видно, потому что лилипуты обладают более острым зрением, чем мы. Он предложил ученым высказать свое мнение относительно этой машины, но читатель и сам догадается, что ученые не пришли ни к какому единодушному заключению, и все их предположения, которых, впрочем, я хорошенько не понял, были весьма далеки от истины; затем я сдал серебряные и медные деньги, кошелек с девятью крупными и несколькими мелкими золотыми монетами, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, носовой платок и записную книжку. Палаш, пистолеты и сумка с порохом и пулями были отправлены на телегах в арсенал его величества, а остальные вещи возвращены мне.

Я уже сказал выше, что у меня был секретный карман, которого не обнаружили мои сыщики: в нем лежали очки (благодаря слабому зрению я иногда пользуюсь ими), карманная подзорная труба и несколько других мелочей. Так как эти вещи не представляли никакого интереса для императора, то я и не считал своей обязанностью заявлять о них, тем более что боялся, как бы они не были потеряны или попорчены, если бы попали в чужие руки.

Глава III

Автор весьма оригинально забавляет императора, придворных дам и кавалеров. Описание придворных развлечений у лилипутов. Автору на известных условиях даруется свобода.

Моя кротость и доброе поведение до такой степени примирили со мной императора, двор, армию и вообще весь народ, что я начал питать надежду на скорое освобождение. Я всячески старался укрепить это благоприятное для меня настроение. Население постепенно привыкло ко мне и перестало меня бояться. Иногда я ложился на землю и позволял пятерым или шестью лилипутам плясать на моей руке. Под конец даже дети отваживались играть в прятки в моих волосах. Я научился довольно сносно понимать и говорить по-лилипутски. Однажды императору пришла мысль развлечь меня акробатическими представлениями, в которых этот народ своею ловкостью и искусством превосходит все, что я видел до сих пор в подобном роде. Но ничто меня так не позабавило, как упражнения канатных плясунов на тонких белых нитках длиною в два фута, натянутых на высоте двенадцати дюймов от земли. Я хочу остановиться несколько подробнее на этом предмете и попрошу у читателя терпения на некоторое время.

Упомянутые упражнения исполняются только теми, кто добивается получения высокой должности или стремится снискать благосклонность двора. Для этого не требуется ни благородного происхождения, ни хорошего воспитания, достаточно только с юных лет начать тренировку в акробатическом искусстве. При открытии вакансии на высокую должность, вследствие смерти лица, ее занимавшего, или вследствие опалы (что случается часто), пять или шесть кандидатов подают прошение императору разрешить им развлечь его величество и двор танцами на канате; и кто прыгнет выше всех, не сорвавшись, получает вакантную должность. Весьма нередко даже первые министры получают приказ показать свою ловкость, чтобы засвидетельствовать перед императором сохранение своих способностей. Флимнап, государственный казначей, пользуется известностью человека, совершившего прыжок на туго натянутом канате по крайней мере на дюйм выше, чем когда-либо удавалось прыгнуть другому сановнику во всей империи. Мне пришлось видеть его опасные курбеты, которые он проделывал несколько раз подряд на небольшой доске, прикрепленной к канату толщиной не более нашей английской бечевки. Мой друг Рельдресель, главный секретарь тайного совета, по моему мнению, если только моя дружба к нему не ослепляет меня, может занять в этом отношении второе место после государственного казначея. Остальные сановники достигают почти одинаковой степени совершенства в означенном искусстве.

Эти развлечения часто сопровождаются несчастьями, память о которых сохраняет история. Я сам видел, как два или три кандидата причинили себе увечье. Но опасность увеличивается еще более, когда сами министры получают повеление показать свою ловкость. Ибо в этом случае, стремясь превзойти самих себя и своих соперников, они проявляют такое усердие, что редко кто из них не срывается и не падает, иногда даже раза по два и по три. Меня уверяли, что за год или за два до моего прибытия Флимнап непременно сломал бы себе шею, если бы королевская подушка, случайно лежавшая на полу, не смягчила удара от его падения.

Кроме того, в особых случаях здесь устраивается еще одно развлечение, которое дается в присутствии только императора, императрицы и первого министра. Император кладет на стол три тонкие шелковые нити: синюю, красную и зеленую, в шесть дюймов длины каждая. Эти нити предназначены в награду тому, кого император пожелает отличить особым знаком своей благосклонности. Церемония происходит в большой тронной зале его величества, где конкуренты подвергаются испытанию в ловкости, весьма отличному от предыдущего и не имеющему ни малейшего сходства с тем, что мне доводилось наблюдать в странах Старого и Нового Света. Император держит в руках палку в горизонтальном положении, а конкуренты подходят один за другим и то перепрыгивают через палку, то ползают под ней взад и вперед несколько раз,

смотря по тому, поднята палка или опущена. Иногда один конец палки держит император, а другой – первый министр; иногда же палку держит только последний. Кто исполнит все описанные упражнения с наибольшей легкостью и проворством и наиболее отличится в прыганье и ползание, тот получает синюю нить; красная дается второму по ловкости, а зеленая – третьему. Пожалованную нить носят в виде пояса, обматывая ее дважды вокруг талии. При дворе редко можно встретить значительную особу, которую не украшал бы такой пояс.

Каждый день мимо меня проводили лошадей из полковых и королевских конюшен, так что они скоро перестали пугаться меня и подходили к самым моим ногам, не кидаясь в сторону. Наездники заставляли лошадей перескакивать через мою руку, которую я положил на землю, а раз императорский егеря на рослом коне перепрыгнул даже через мою ногу, обутую в башмак; это был поистине удивительный прыжок. Однажды я имел счастье позабавить императора самым необыкновенным образом. Я попросил достать несколько палок длиною в два фута и толщиной в обыкновенную трость; его величество приказал главному лесничему сделать соответствующие распоряжения, и на следующее утро семь лесников привезли требуемое на семи телегах, из которых каждая была запряжена восемью лошадьми. Я взял девять палок и крепко вбил их в землю в виде квадрата, каждая сторона которого была длиною в два с половиной фута; на высоте около двух футов я привязал к четырем углам этого квадрата другие четыре палки параллельно земле; затем на девяти кольях я натянул носовой платок, туго, как барабан; четыре горизонтальные палки, возвышаясь над платком приблизительно на пять дюймов, образовывали с каждой его стороны нечто вроде перил. Окончив эти приготовления, я попросил императора отрядить двадцать четыре лучших кавалериста для упражнений на устроенной мною площадке. Его величество одобрил мое предложение, и, когда кавалеристы прибыли, я поднял поочередно лошадей вместе со всадниками в полном вооружении и поставил их на ипподром. Построившись в боевой порядок, всадники разделились на два отряда и начали военные действия; пускали друг в друга тупые стрелы, бросались друг на друга с обнаженными саблями, то обращаясь в бегство, то преследуя, то ведя атаку, то отступая, – словом, показывая лучшую военную дисциплину, какую мне когда-либо доводилось видеть. Горизонтальные палки не позволяли всадникам и их лошадям падать с площадки на землю. Император пришел в такой восторг, что заставил меня повторить это развлечение несколько дней кряду, и однажды пожелал сам подняться на ипподром и лично командовать маневрами. Хотя и с большим трудом, ему удалось убедить императрицу разрешить мне поддержать ее в кресле на расстоянии двух ярдов от площадки, так что она могла хорошо видеть все представление. К счастью для меня, все эти упражнения прошли благополучно; раз только горячая лошадь одного из офицеров пробила копытом дыру в платке и, споткнувшись, опрокинула своего седока, но я немедленно поднял обоих и, прикрыв одной рукой дыру, спустил другой рукой всю кавалерию на землю тем же способом, каким поднял ее. Упавшая лошадь вывихнула ногу, но всадник не пострадал. Я тщательно починил платок, но с тех пор перестал доверять его прочности и не решался пользоваться им для подобных опасных упражнений.

За два или за три дня до моего освобождения, как раз в то время, когда я развлекал двор своими выдумками, к его величеству прибыл гонец с известием, что несколько его подданных, проезжая возле того места, где я был найден, увидели на земле какое-то громадное черное тело весьма странной формы, с широкими плоскими краями, занимающими пространство, равное спальне его величества, середина его была приподнята над землей на высоту человеческого роста; открывшие тело сначала думали, что это какое-нибудь невиданное животное, но, обойдя его несколько раз, убедились в ошибочности своего предположения, так как тело лежало на траве совершенно неподвижно. Став на плечи друг другу, они взобрались на вершину загадочного тела, которая оказалась плоской гладкой поверхностью, а само тело внутри полым, в чем они убедились, топая по нему ногами. Нашедшие предмет решаются высказать предположение, что он принадлежит Человеку-Горе, и если будет угодно его величеству, то они берутся доставить его всего только на пяти лошадях. Я тотчас догадался, о чем шла речь, и сердечно обрадовался этому известию. По-видимому, добравшись после кораблекрушения до берега, я был так расстроен, что не заметил, как по дороге к месту моего ночлега у меня слетела шляпа, которую я привязал к подбородку шнурком, когда греб в лодке, и плотно надвинул на уши, когда плыл по морю. Вероятно, я не обратил внимания, как разорвался шнурок, и решил, что потерял шляпу в море. Описав свойства и назначение этого предмета, я умолял его величество сделать распоряжение немедленно доставить мне его. На другой день шляпа была привезена мне, но в неблестящем состоянии. Возчики пробили в полях две дыры на расстоянии полутора дюймов от края, проделали в дыры крючки, крючки привязали длинной веревкой к упряжи и волокли таким образом мой головной убор добрых полмили. Но благодаря тому, что почва в этой стране совершенно ровная и гладкая, шляпа получила меньше повреждений, чем я ожидал.

Спустя два дня после описанного происшествия император отдал приказ по армии, расположенной в столице и окрестностях, привести себя в боевую готовность. Его величеству

пришла фантазия доставить себе довольно странное развлечение. Он пожелал, чтобы я стал в позу Колосса Родосского, раздвинув ноги насколько возможно шире. Потом он приказал главнокомандующему (старому опытному военачальнику и моему большому покровителю) построить войска сомкнутыми рядами и провести их церемониальным маршем между моими ногами, пехоту по двадцать четыре человека в ряд, а кавалерию по шестнадцати, с барабанным боем, развернутыми знаменами и поднятыми пиками. Весь корпус состоял из трех тысяч пехоты и тысячи кавалерии. Его величество отдал приказ, чтобы солдаты, под страхом смертной казни, вели себя вполне прилично по отношению к моей особе во время церемониального марша, что, однако, не помешало некоторым молодым офицерам, проходя подо мною, поднимать глаза вверх; и, сказать правду, мои панталоны находились в то время в таком плохом состоянии, что давали некоторый повод и подивиться, и посмеяться.

Я подал императору столько прошений и докладных записок о своем освобождении, что наконец его величество поставил этот вопрос на обсуждение сперва своего кабинета, а потом государственного совета. Все отнеслись ко мне благожелательно, кроме Скайреш Болголам, который, без всякого повода с моей стороны, стал моим смертельным врагом. Но, несмотря на его противодействие, большинством голосов дело было решено и утверждено императором в мою пользу. Болголам занимал пост гальбета, то есть адмирала королевского флота, и был любимцем императора. Человек весьма сведущий в своем деле, но угрюмый и резкий, он с трудом согласился на мое освобождение, но настоял при этом, чтобы ему было поручено составление условий, на которых я получу свободу, после того как мной будет дана торжественная клятва свято соблюдать их. Скайреш Болголам, в сопровождении секретарей и нескольких знатных особ, сам доставил мне документы, в которых излагались эти условия. Когда они были оглашены, с меня взяли присягу в том, что я не нарушу их, причем обряд присяги был совершен сперва по обычаям моей родины, а затем согласно предписаниям местных законов. Церемония заключалась в том, что я должен был держать правую ногу в левой руке, положив в то же время средний палец правой руки на темя, а большой на верхушку правого уха. Но, быть может, читателю будет любопытно составить себе некоторое представление о стиле и характерных выражениях этого народа, а также познакомиться с условиями, на которых я получил свободу; поэтому я приведу здесь полный буквальный перевод означенного документа, сделанный мною самым тщательным образом.

Гольбасто момарен эвлем гердайло шефин молли олли гой, могущественнейший император Лилипутии, отрада и ужас вселенной, коего владения, занимая пять тысяч *блестрегов* (около двенадцати миль в окружности), распространяются до крайних пределов земного шара; монарх над монархами, величайший из всех сынов человеческих, который своею стопой упирается в центр земли, а главою касается солнца; одно мановение которого приводит в трепет земных царей; приятный, как весна, благодетельный, как лето, обильный, как осень, и суровый, как зима. Его императорское величество высочайше повелеть соизволил предложить вновь прибывшему в его небесные владения Человеку-Горе следующие пункты, которые тот под торжественную присягу обязуется принять и свято исполнять:

Во-первых, Человек-Гора не имеет права оставить наше государство без нашего письменного на то соизволения, скрепленного нашей большой печатью.

Во-вторых, он не имеет права входить в нашу столицу без особенного на то разрешения, причем жители должны быть предупреждены за два часа, чтобы успеть укрыться в домах.

В-третьих, вышеназванный Человек-Гора должен ограничить свои прогулки большими дорогами и не смеет гулять или ложиться на лугах и полях.

В-четвертых, во время прогулок по означенным дорогам он должен внимательно смотреть под ноги, чтобы не растоптать кого-нибудь из наших любезных подданных или их лошадей и телег; он не должен брать в руки упомянутых подданных без их на то согласия.

В-пятых, если потребуется быстро доставить гонца к месту его назначения, то Человек-Гора обязуется раз в луну относить в своем кармане гонца вместе с лошастью на расстояние шести дней пути и (если потребуется) доставлять означенного гонца в целости и сохранности обратно к нашему императорскому величеству.

В-шестых, он обязуется быть нашим союзником против враждебного нам острова Блефуску и употребить все усилия для уничтожения неприятельского флота, который теперь снаряжается для нападения на нашу империю.

В-седьмых, упомянутый Человек-Гора в часы досуга обязуется оказывать помощь нашим рабочим, поднимая особенно тяжелые камни при сооружении стены нашего главного парка, а также при постройке других наших зданий.

В-восьмых, упомянутый Человек-Гора в течение двух лун должен точно измерить окружность наших владений, обойдя все побережье и сосчитав число пройденных шагов.

Наконец, под торжественной присягой вышеназванный Человек-Гора обязуется в точности соблюдать означенные пункты, и тогда он, Человек-Гора, будет получать ежедневно еду и питье в количестве, достаточном для прокормления 1724 наших подданных. Вместе с этим Человек-Гора будет пользоваться свободным доступом для лицезрения нашей особы и другими знаками нашего благоволения. Дано в Бельфаборке, нашем дворце, в двенадцатый день девяносто первой луны нашего царствования.

Я с большой радостью и удовлетворением дал присягу и подписал эти пункты, хотя некоторые из них не были так почетны, как я желал бы; но я утешал себя мыслью, что они продиктованы злобой верховного адмирала Скайреш Болголама. Мои цепи были немедленно сняты, и я стал совершенно свободен; сам император оказал мне честь своим присутствием на церемонии моего освобождения. В знак благодарности я пал ниц к ногам его величества, но император велел встать и после нескольких ласковых слов, которых я – во избежание упреков в тщеславии – не стану повторять, заявил, что надеется найти во мне полезного слугу и человека, вполне достойного тех милостей, которые он уже оказал мне и собирается оказать в будущем.

Пусть читатель благоволит обратить внимание на то, что в последнем пункте условий моего освобождения император постановляет выдавать мне еду и питье в количестве, достаточном для прокормления 1724 лилипутов. Спустя некоторое время я спросил у одного моего придворного друга, каким образом была установлена такая точная цифра. На это он ответил, что математики его величества, определив высоту моего роста при помощи квадранта и найдя, что эта высота находится в таком отношении к высоте лилипута, как двенадцать к единице, пришли к заключению, что объем моего тела равен по крайней мере объему 1724 тел лилипутов, а следовательно, оно требует во столько же раз больше пищи. Из этого читатель может составить понятие как о смышленности этого народа, так и о мудрой расчетливости его императора.

Глава IV

Описание Мильдендо, столицы Лилипутии, и императорского дворца. Беседа автора с первым секретарем о государственных делах. Автор предлагает свои услуги императору в его войнах.

Получив свободу, я прежде всего попросил разрешения осмотреть Мильдендо, столицу государства. Император охотно согласился выдать мне такое разрешение, но взял с меня обещание не причинять ни малейшего вреда ни жителям, ни постройкам. О моем намерении посетить город население было извещено особой прокламацией. Столица окружена стеной вышиною в два с половиной фута и толщиной не менее одиннадцати дюймов, так что по ней совершенно безопасно может проехать карета, запряженная парой лошадей; по углам стены возвышаются крепкие башни, на расстоянии десяти футов одна от другой. Перешагнув через большие Западные Ворота, я очень медленно, боком прошел по двум главным улицам в одном жилете, из боязни повредить крыши и карнизы домов полами своего кафтана. Продвигался я крайне осмотрительно, чтобы не растоптать беспечных прохожих, оставшихся на улице, вопреки отданному жителям столицы строгому приказу не выходить для безопасности из дому. Окна верхних этажей и крыши домов были покрыты таким множеством зрителей, что, мне кажется, ни в одно из моих путешествий мне не приходилось видеть более людного места. Город имеет форму правильного четырехугольника, и каждая сторона городской стены равна пятистам футам. Две главные улицы, шириною в пять футов каждая, пересекаются под прямым углом и делят город на четыре квартала. Боковые улицы и переулки, куда я не мог войти и только видел их, имеют в ширину от двенадцати до восемнадцати дюймов. Город может вместить до пятисот тысяч душ. Дома трех- и пятиэтажные. Лавки и рынки полны товаров.

Императорский дворец находится в центре города, на пересечении двух главных улиц. Он окружен стеною в два фута вышиной, отстоящей от построек на двадцать футов. Я получил разрешение его величества перешагнуть через стену, и так как расстояние, отделявшее ее от дворца, было достаточно велико, то легко мог осмотреть последний со всех сторон. Внешний двор представляет собою квадрат со стороной в сорок футов и вмещает два других двора, из которых во внутреннем расположены императорские покои. Мне очень хотелось их осмотреть, но осуществить это желание было трудно, потому что главные ворота, соединяющие один двор с другим, имеют только восемнадцать дюймов в высоту и семь дюймов в ширину. С другой стороны здания внешнего двора достигают высоты не менее пяти футов, и потому я не мог перешагнуть через них, не нанеся значительных повреждений постройкам, несмотря на то, что стены у них прочные, из тесаного камня, и имеют четыре дюйма толщины. Между тем император тоже сильно желал показать мне все великолепие своего дворца. Однако мне удалось осуществить наше общее желание только спустя три дня, которые я употребил на подготовительные работы. В императорском парке, отстоявшем от города почти на сто ярдов, я срезал своим перочинным ножом несколько самых крупных деревьев и сделал из них два табурета, вышиною около трех футов каждый, и достаточно прочные, чтобы выдержать мою тяжесть. Затем после второго объявления, предостерегающего жителей, я снова прошел ко дворцу через город с двумя табуретами в руках. Подойдя со стороны внешнего двора, я стал на один табурет, поднял другой над крышей и осторожно поставил его на площадку шириною в восемь футов, отделявшую первый двор от второго. Затем я свободно перешагнул через здания с одного табурета на другой и поднял к себе первый длинной палкой с крючком. При помощи таких ухищрений я достиг самого внутреннего двора. Там я лег на землю и приблизил лицо к окнам среднего этажа, которые нарочно были оставлены открытыми. Таким образом я получил возможность осмотреть роскошнейшие палаты, какие только можно себе представить. Я увидел императрицу и молодых принцев в их покоях, окруженных свитой. Ее императорское вели-

чество милостиво улыбнулась мне и грациозно протянула через окно свою ручку, которую я поцеловал.

Однако я не буду останавливаться на дальнейших подробностях, потому что приберегаю их для почти готового уже к печати более обширного труда, заключающего в себе общее описание этой империи со времени ее основания; историю ее монархов в течение длинного ряда веков; наблюдения относительно их войн и политики, законов, науки и религии этой страны; ее растений и животных; нравов и привычек ее обитателей и других весьма любопытных и поучительных материй. В настоящее же время моя главная цель заключается в изложении событий, происшедших в этом государстве во время почти девятимесячного моего пребывания в нем.

Однажды утром, спустя две недели после моего освобождения, ко мне приехал, в сопровождении только одного лакея, Рельдресель, главный секретарь по тайным делам (как его титулуют здесь). Приказав кучеру ожидать, он попросил меня уделить ему один час и выслушать его. Я охотно согласился на это, потому что мне были известны как его личные высокие качества, так и услуги, оказанные им мне при дворе. Я хотел лечь на землю, чтобы его слова могли легче достигать моего уха, но он предпочел находиться во время нашего разговора у меня на руке. Прежде всего он поздравил меня с освобождением, заметив, что в этом деле и ему принадлежит некоторая заслуга.

— Хотя надо сказать правду, — добавил он, — вы получили так скоро свободу только благодаря настоящему положению наших государственных дел. Каким бы блестящим ни казалось иностранцу это положение, сказал секретарь, однако наш государственный организм разъедают две страшные язвы: внутренние раздоры партий и угроза нашествия внешнего могущественного врага. Что касается первого зла, то надо вам сказать, что около семидесяти лун тому назад в империи образовались две враждующие партии, известные под названием тремексенов и сле-

мексенов, от высоких и низких каблуков на башмаках, при помощи которых они отличаются друг от друга. Дело в том, что многие доказывают, будто высокие каблуки всего более согласуются с нашими древними государственными установлениями; но, как бы то ни было, его величество находит, что вся администрация, а равно и все должности, раздаваемые короной, должны находиться только в руках сторонников низких каблуков, на что вы, наверное, обратили внимание. Вы, должно быть, заметили также, что каблуки на башмаках его величества на один *дрерр* ниже, чем у всех придворных (*дрерр* равняется четырнадцатой части дюйма). Ненависть между партиями доходит до того, что члены одной не станут ни есть, ни пить, ни разговаривать с членами другой. Мы считаем, что тремексены, или партия высоких каблуков, превосходят нас числом, но власть всецело принадлежит нам. С другой стороны, у нас есть основание опасаться, что его императорское высочество, наследник престола, имеет некоторое расположение к высоким каблукам; по крайней мере нетрудно заметить, что один каблук у него выше другого, вследствие чего походка его высочества прихрамывающая. И вот среди этих внутренних несогласий в настоящее время нам грозит нашествие со стороны соседнего острова Блефуску, другой великой империи во вселенной, почти такой же обширной и могущественной, как империя его величества. И хотя вы утверждаете, что на свете существуют другие королевства и государства, населенные такими же громадными людьми, как вы, однако наши философы сильно сомневаются в этом: они скорее готовы допустить, что вы упали с луны или с какой-нибудь звезды, так как несомненно, что сто смертных вашего роста в самое короткое время могли бы истребить все плоды и весь скот обширных владений его величества. С другой стороны, наши летописи за шесть тысяч лун не упоминают ни о каких других государствах, кроме двух великих империй: Лилипутии и Блефуску. Итак, эти две могущественные державы ведут между собой ожесточеннейшую войну в продолжение тридцати шести лун. Поводом к войне послужили следующие обстоятельства. Все держатся того мнения, что вареное яйцо, при употреблении его в пищу, следует разбивать с тупого конца, и что этот способ практикуется искони веков; но дед нынешнего императора, будучи ребенком, порезал себе палец за завтраком, разбивая яйцо означенным способом. Тогда император, отец его, обнародовал указ, предписывавший всем его подданным, под страхом строгого наказания, разбивать яйца с острого конца. Этот закон до такой степени раздражил население, что, по словам наших летописей, был причиной шести восстаний, во время которых один император потерял жизнь, а другой – корону. Описываемые гражданские смуты постоянно разжигались монархами Блефуску. При подавлении восстания изгнанные вожди всегда находили приют в этой империи. Насчитывают до одиннадцати тысяч фанатиков, которые в течение этого времени пошли на казнь, лишь бы только не подчиниться повелению разбивать яйца с острого конца. Были напечатаны сотни томов, трактующих об этом вопросе, но книги, поддерживающие теорию тупого конца, давно запрещены, и вся партия лишена законом права занимать государственные должности. В течение этих смут императоры Блефуску часто через своих посланников делали нам предостережения, обвиняя нас в церковном расколе путем нарушения основного догмата нашего великого пророка Люстрога, изложенного в пятьдесят четвертой главе Блундекраля (являющегося их Алькораном). Между тем мы видим здесь только различное толкование одного и того же текста, подлинные слова которого гласят: *Все истинно верующие да разбивают яйца с того конца, с какого удобнее*. Решение же вопроса: какой конец признать более удобным, по моему скромному суждению, должно быть предоставлено совести каждого или по крайней мере решению верховного судьи империи. Изгнанные *тупоконечники* возымели такую силу при дворе императора Блефуску и нашли такую поддержку и поощрение со стороны своих единомышленников внутри нашей империи, что в течение тридцати шести лун оба императора ведут кровавую войну с переменным успехом. В течение этого периода мы потеряли сорок линейных кораблей и огромное число мелких судов с тридцатью тысячами наших лучших моряков и солдат; полагают, что потери неприятеля еще значительнее. Но, несмотря на это, неприятель снарядил

новый флот и готовится высадить десант на нашу территорию. Вот почему его императорское величество, вполне доверяясь вашей силе и храбрости, повелел мне передать вам настоящее изложение наших государственных дел.

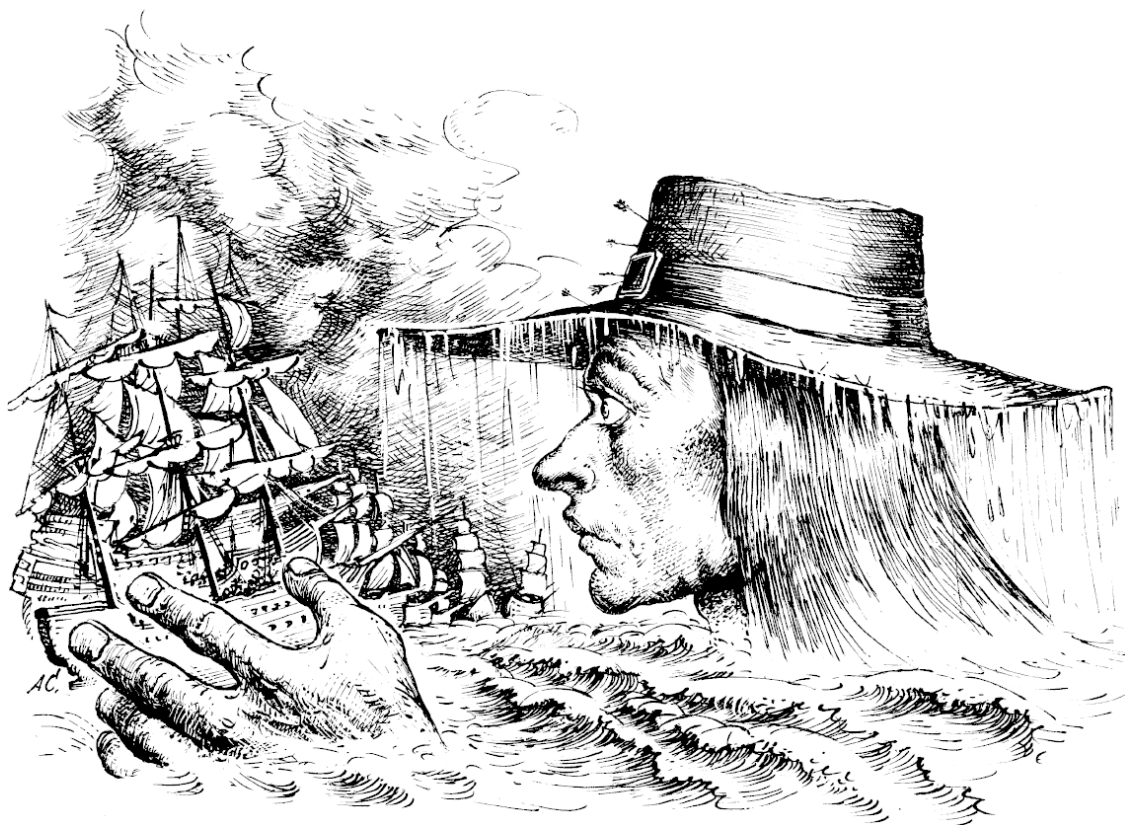
Я просил секретаря засвидетельствовать императору мое низжайшее почтение и довести до его сведения, что хотя мне как иностранцу не следовало бы вмешиваться в дела различных партий, тем не менее я готов, не щадя своей жизни, защищать его особу и государство от всякого иноземного вторжения.

Глава V

Автор благодаря чрезвычайно остроумной выдумке предупреждает нашествие неприятеля. Его жалуют высоким титулом. Являются послы императора Блефуску и просят мира. Пожар в покоях императрицы благодаря несчастному случаю. Энергичные усилия автора спасают остальные части дворца.

Империя Блефуску находится на острове, расположенном на северо-восток от Лилипутии и отделенном от нее проливом шириною в восемьсот ярдов. Я еще не видел острова; узнав же о предполагаемом нашествии, старался не показываться на этой стороне берега из опасения быть замеченным с кораблей неприятеля, который не имел никаких сведений о моем присутствии, так как во время войны всякое сношение между двумя империями было запрещено под страхом смертной казни и наш император наложил эмбарго на выход какого бы то ни было судна из гаваней. Я сообщил его величеству составленный мною план захвата всего неприятельского флота, который, как мы узнали от наших разведчиков, стоял на рейде, готовый сняться с якоря при первом попутном ветре. Я осведомился у самых опытных моряков относительно глубины пролива, часто ими измерявшейся, и они сообщили мне, что при самой высокой воде эта глубина в средней части пролива равняется семидесяти *гломглеффам*, что составляет около шести европейских футов, во всех же остальных местах она не превышает пятидесяти *гломглеффов*. Я отправился на северо-восточный берег, откуда видна империя Блефуску, спрятался за бугорком и направил свою подзорную трубку на стоявший на якоре неприятельский флот, в котором насчитал до пятидесяти боевых кораблей и большое число транспортов. Возвратившись домой, я приказал (получив на то полномочие) доставить мне канат покрепче и известное количество возможно толстых железных брусьев. Мне привезли канат толщиной в обыкновенную бечевку и брусья величиной в нашу вязальную спицу. Чтобы придать этому канату большую прочность, я сплел его втрое и с тою же целью скрутил вместе по три железных бруска, загнув их концы в виде крючков. Прикрепив пятьдесят таких крючков к такому же числу веревок, я возвратился на северо-восточный берег и, сняв с себя кафтан, башмаки и чулки, в кожаной куртке вошел в воду за полчаса до прилива. Сначала я быстро пошел вброд, а у середины проплыл около тридцати ярдов, пока снова не почувствовал под собою дно. Таким образом, меньше чем через полчаса я достиг флота. Увидя меня, неприятели пришли в такой ужас, что, как лягушки, попрыгали с кораблей и поплыли к берегу, где их собралось не менее тридцати тысяч. Тогда, вынув свои снасти и зацепив нос каждого корабля крючком, я связал все веревки в один узел. Во время этой работы неприятель осыпал меня тучей стрел, и многие из них вонзились мне в руки и лицо. Помимо ужасной боли, они сильно мешали работе. Более всего я боялся за свои глаза и, наверно, лишился бы их, если бы не придумал тотчас же средства для защиты. Среди других необходимых мне мелочей у меня сохранились очки, которые я держал в секретном кармане, не замеченном, как я уже говорил выше, императорскими сыщиками. Я надел очки и крепко привязал их. Вооружась таким образом, я смело продолжал работу, несмотря на стрелы неприятеля, которые хотя и попадали в стекла очков, но не причиняли им особого вреда. Приладив все крючки и взяв узел в руку, я начал тащить; однако ни один корабль не тронулся с места, потому что все они крепко держались на якорях. Таким образом, мне оставалось совершить самую опасную часть моего предприятия. Я выпустил веревки и, оставя крючки в кораблях, смело обрезал ножом якорные канаты, причем более двухсот стрел угодило мне в лицо и руки. После этого я схватил связанные в узел веревки, к которым были прикреплены мои крючки, и легко потащил за собою пятьдесят самых крупных неприятельских военных кораблей.

Блефускуанцы, не имевшие ни малейшего представления о моих намерениях, сначала от изумления растерялись. Увидев, как я обрезаю якорные канаты, они подумали, что я собираюсь пустить корабли на волю ветра и волн или столкнув их друг с другом; но когда весь флот двинулся в порядке, увлекаемый моими веревками, они пришли в неопишное отчаяние и стали оглашать воздух горестными воплями. Оказавшись вне опасности, я остановился, чтобы вынуть из рук и лица стрелы и натереть пораненные места ранее упомянутой мной мазью, которую лилипуты дали мне при моем прибытии в страну. Потом я снял очки и, обождав около часа, пока спадет вода, перешел вброд середину пролива и благополучно прибыл с моим грузом в императорский порт Лилипутии.

Император и весь его двор стояли на берегу в ожидании исхода этого великого предприятия. Они видели корабли, приближавшиеся широким полумесяцем, но меня не замечали, так как я по грудь был в воде. Когда я проходил середину пролива, их беспокойство еще более увеличилось, потому что я погрузился в воду по шею. Император решил, что я утонул и что неприятельский флот приближается с враждебными намерениями. Но скоро его опасения исчезли. С каждым шагом пролив становился мельче, и меня можно было даже слышать с берега. Тогда, подняв вверх конец веревок, к которым был привязан флот, я громко закричал: *Да здравствует могущественнейший император Лилипутии!* Когда я ступил на берег, великий монарх осыпал меня всяческими похвалами и тут же пожаловал мне титул *нардака*, самый высокий в государстве.

Его величество выразил желание, чтобы я нашел случай захватить и привести в его гавани все остальные морские силы неприятеля. Честолюбие монархов так безмерно, что император задумал, по-видимому, ни больше ни меньше, как обратить всю империю Блефуску в собственную провинцию и управлять ею через своего вице-короля, истребив укрывающихся там тупоконечников и принудив всех блефускуанцев разбивать яйца с острого конца, а посему он стал бы единственным властелином вселенной. Но я всячески старался отклонить императора от этого намерения, приводя многочисленные доводы, подсказанные мне как политическими

соображениями, так и чувством справедливости; в заключение я чистосердечно заявил, что никогда не соглашусь быть орудием обращения в рабство храброго и свободного народа. Когда этот вопрос поступил на обсуждение государственного совета, то самые мудрые министры оказались на моей стороне.

Мое смелое и откровенное заявление до такой степени противоречило политическим планам его императорского величества, что он никогда не мог простить мне его. Его величество очень искусно дал понять это в совете, где, как говорили мне потом, мое мнение разделяли самые благоразумные члены, хотя и выражали свое согласие только молчанием; другие же, мои тайные враги, не могли удержаться от некоторых выражений, косвенным образом направленных против меня. С этого времени со стороны его величества и злобствующей против меня части министров началась интрига, которая менее чем через два месяца разразилась с такой силой, что едва не погубила меня окончательно. Таким образом, величайшие услуги, оказываемые монархам, не могут перетянуть на свою сторону чашу весов, если на другую бывает положен отказ в потворстве их страстям.

Спустя три недели после описанного подвига от императора Блефуску прибыло торжественное посольство с покорным предложением мира, каковой вскоре был заключен на условиях, в высшей степени выгодных для нашего императора, но я не буду утомлять ими внимание читателя. Посольство состояло из шести посланников, коих сопровождало около пятисот человек свиты; кортеж отличался большим великолепием и вполне соответствовал величию монарха и важности миссии. По окончании мирных переговоров, в которых я, благодаря своему тогдашнему действительному или по крайней мере кажущемуся влиянию при дворе, оказал немало услуг посольству, их превосходительства, частным образом осведомленные о моих дружественных чувствах, удостоили меня официальным визитом. Они начали с любезностей по поводу моей храбрости и великодушия, затем от имени императора пригласили посетить их страну и наконец попросили показать им несколько примеров моей удивительной силы, о которой они слышали столько чудесного. Я с готовностью согласился исполнить их желание, но не стану утомлять читателя описанием подробностей.

Позабавив в течение некоторого времени их превосходительства, к большому их удовольствию и удивлению, я попросил послов засвидетельствовать мое глубокое почтение его величеству, их повелителю, слава о доблестях которого по справедливости наполняла весь мир восхищением, и передать мое твердое решение лично посетить его перед возвращением в мое отечество. Поэтому в первой же аудиенции у нашего императора я попросил его соизволения на посещение блефускуанского монарха. Император хотя и дал свое согласие, но выказал при этом явную ко мне холодность, причину которой я не мог понять до тех пор, пока мне не сказали по секрету, что Флимнап и Болголам изобразили перед императором, мол, сношения с посольством как акт нелояльности, хотя я могу поручиться, что моя совесть в этом отношении была совершенно чиста. Тут впервые у меня начало складываться представление о том, что такое министры и дворы.

Необходимо заметить, что я объяснялся с посольством при помощи переводчика. Язык блефускуанцев настолько же отличается от языка лилипутов, насколько разнятся между собою языки двух европейских народов. При этом каждая нация гордится древностью, красотой и образностью своего языка, относясь с явным презрением к языку соседа. И наш император, пользуясь преимуществами настоящего положения, созданного пленением неприятельского флота, обязал посольство представить верительные грамоты и вести переговоры на лилипутском языке. Однако надо заметить, что оживленные торговые сношения между двумя государствами, гостеприимство, оказываемое изгнанникам соседнего государства как Лилипутией, так и Блефуску, а также обычай посылать молодых людей из знати и богатых дворян к соседям с целью отшлифоваться, посмотрев свет и ознакомившись с жизнью и нравами людей, приводят к тому, что здесь редко можно встретить образованного дворянина, моряка или купца

из приморского города, который бы не говорил на обоих языках. В этом я убедился через несколько недель, когда отправился засвидетельствовать свое почтение императору Блефуску. Среди великих несчастий, постигших меня благодаря злобе моих врагов, это посещение оказалось для меня очень благотворным, о чем я расскажу в своем месте.

Читатель, может быть, помнит, что в числе условий, на которых мне была дарована свобода, были очень для меня унижительные и неприятные, и только крайняя необходимость заставила меня принять их. Но теперь, когда я носил титул *нардака*, самый высокий в империи, взятые мной на себя обязательства роняли бы мое достоинство, и надо отдать справедливость императору, он ни разу не напомнил мне о них. Однако незадолго перед тем мне представился случай оказать его величеству замечательную услугу, как по крайней мере мне тогда казалось. Раз в полночь у дверей моего замка раздались крики тысячной толпы; я в испуге проснулся и услышал непрестанно повторяемое слово *борглюм*. Несколько придворных, пробившись сквозь толпу, умоляли меня явиться немедленно во дворец, так как покои императрицы были объаты пламенем по небрежности одной фрейлины, которая заснула за чтением романа, не погасив свечи. В одну минуту я кое-как оделся; был отдан приказ очистить для меня дорогу; кроме того, ночь была лунная, так что мне удалось добраться до дворца, никого не растоптав по пути. К стенам дворца уже были приставлены лестницы, было собрано много ведер, но вода была далеко. Каждое ведро равнялось нашему большому наперстку, и бедняги с большим усердием подавали их мне, однако пламя было так сильно, что это усердие приносило мало пользы. Я мог бы легко потушить пожар, накрыв дворец своим кафтаном, но второпях я успел надеть только кожаную куртку. Казалось, дело находилось в самом плачевном и безнадежном положении, и этот великолепный дворец, несомненно, сгорел бы дотла, если бы, благодаря необычному для меня присутствию духа, я внезапно не придумал средство спасти его. Накануне вечером я выпил много превосходнейшего вина, известного под названием *глимигрим* (блефускуанцы называют его *флюнек*, но наши сорта выше), которое отличается сильным мочегонным действием. По счастливой случайности я еще ни разу не облегчился от выпитого. Между тем жар от пламени и усиленная работа по его тушению действовали на меня и быстро обратили вино в мочу; я выпустил ее в таком изобилии и так метко, что в какие-нибудь три минуты огонь был потушен, и остальные части величественного здания, воздвигавшегося трудом нескольких поколений, были спасены.

Между тем стало совсем светло, и я возвратился домой, не ожидая благодарности от императора, потому что хотя я и оказал ему услугу великой важности, но не знал, как его величество отнесется к способу, каким она была оказана, особенно если принять во внимание основные законы государства, по которым никто, в том числе и самые высокопоставленные особы, не имели права мочиться в ограде дворца под страхом тяжкого наказания. Однако меня немного успокоило письмо императора с обещанием дать повеление великому судилищу вынести мне формальное прощение, которого, впрочем, я никогда не добился. С другой стороны, меня конфиденциально уведомили, что императрица была страшно возмущена моим поступком и переселилась в самую отдаленную часть дворца, твердо решив не реставрировать прежнего своего помещения; при этом она в присутствии своих приближенных поклялась отомстить мне.

Глава VI

О жителях Лилипутии: их наука, законы и обычаи; система воспитания детей. Образ жизни автора в этой стране. Автор восстанавливает репутацию знатной дамы.

Хотя подробному описанию этой империи я намерен посвятить особое исследование, тем не менее для удовлетворения любознательного читателя я уже теперь выскажу о ней несколько общих замечаний. Средний рост туземцев немного меньше шести дюймов, и ему точно соответствует рост как животных, так и растений: например, лошади и быки не бывают там выше четырех или пяти дюймов, а овцы выше полутора дюймов; гуси равняются нашему воробью, и так далее вплоть до самых крохотных созданий, которые для меня были почти невидимы. Но природа приспособила зрение лилипутов к окружающим их предметам: они хорошо видят, но на небольшом расстоянии. Вот представление об остроте их зрения для близких предметов: большое удовольствие доставило мне наблюдать повара, ошипывавшего жаворонка величиною не более нашей мухи, и девушку, вдевавшую шелковинку в ушко невидимой иголки. Самые высокие деревья в Лилипутии не больше семи футов; я имею в виду деревья в большом королевском парке, верхушки которых я мог едва достать, протянув руку. Вся остальная растительность имеет соответственные размеры; но я предоставляю все это воображению самого читателя. Сейчас я ограничусь лишь самыми беглыми замечаниями относительно науки лилипутов, которая в течение веков процветает у этого народа во всех отраслях. Обращу только внимание на весьма оригинальную манеру их письма: лилипуты пишут не так, как европейцы, слева направо, не так, как арабы, – справа налево, не так, как китайцы, – сверху вниз, но как английские дамы – наискось от одного угла страницы к другому.

Лилипуты хоронят умерших, кладя тело головой вниз. Такой обычай вызывается верованием, что через одиннадцать тысяч лун мертвые воскреснут; и так как в это время земля (которую лилипуты считают плоской) перевернется вверх дном, то мертвые при своем воскресении станут прямо на ноги. Ученые признают нелепость этого верования; тем не менее в простонародье такой обычай сохраняется и до сих пор.

В этой империи существуют весьма своеобразные законы и обычаи, и, не будь они полной противоположностью законам и обычаям моего любезного отечества, я попытался бы выступить их защитником. Желательно только, чтобы они строго применялись на деле. Прежде всего укажу на закон о доносчиках. Все государственные преступления караются здесь чрезвычайно строго; но если обвиняемый докажет во время процесса свою невиновность, то обвинитель немедленно подвергается позорной казни, и с его движимого и недвижимого имущества взыскивается вознаграждение в четырехкратном размере в пользу оправданного: за потерю времени, за опасность, которой он подвергался, за лишения, испытанные им во время тюремного заключения, и за все расходы, которые ему стоила защита. Если имущества обвинителя окажется недостаточно, потерпевший вознаграждается за счет короны. Кроме того, император жалует освобожденного каким-нибудь публичным знаком своего благоволения, и по всему государству объявляется о его невиновности.

Лилипуты считают мошенничество более тяжким преступлением, чем воровство, и потому только в редких случаях оно не наказывается смертью. При известной осторожности, бдительности и небольшой дозе здравого смысла, рассуждают они, всегда можно уберечь имущество от вора, но у честного человека нет защиты от ловкого мошенника; и так как при купле и продаже постоянно необходимы торговые сделки, основанные на кредите и доверии, то в условиях, когда существует попустительство обману и он не наказывается законом, честный коммерсант всегда пострадает, а плут окажется в выигрыше. Я вспоминаю, что однажды я ходатайствовал перед монархом за одного преступника, который обвинялся в похищении большой суммы денег, полученной им по поручению хозяина, и в побеге с этими деньгами;

я выставил перед его величеством как смягчающее вину обстоятельство то соображение, что в данном случае было только злоупотребление доверием; император нашел чудовищным, что я привожу в защиту обвиняемого довод, как раз отягчающий его преступление; на это, говоря правду, мне нечего было возразить, и я ограничился шаблонным замечанием, что у различных народов различные обычаи; надо признаться, я был сильно сконфужен.

Хотя мы и называем обыкновенно награду и наказание двумя рычагами, приводящими в движение всю правительственную машину, но нигде, кроме Лилипутии, я не встречал применения этого принципа на практике. Всякий, представивший достаточное доказательство того, что он в точности соблюдал законы страны в течение семидесяти трех лун, получает там право на известные привилегии, соответствующие его званию и общественному положению, и ему определяется соразмерная денежная сумма из фондов, специально на этот предмет назначенных; вместе с тем такое лицо получает титул *снильпела*, то есть блюстителя законов; этот титул прибавляется к его фамилии, но не переходит в потомство. И когда я рассказал лилипутам, что исполнение наших законов гарантируется только страхом наказания и нигде не упоминается о награде за их соблюдение, лилипуты сочли это огромным недостатком нашего государственного строя. Вот почему в здешних судебных учреждениях богиня справедливости изображается в виде женщины с шестью глазами – два спереди, два сзади и по одному с боков, что означает ее необычайную бдительность; в правой руке она держит открытый мешок золота, а в левой – меч в ножнах в знак того, что она готова скорее награждать, чем наказывать.

При выборе кандидатов на государственные и общественные должности больше внимания обращается на нравственные качества, чем на способности и таланты. Лилипуты думают, что раз уж человечеству необходимы правительства, то все люди, обладающие средним умственным развитием, способны выполнять ту или другую должность, и что провидение никогда не имело в виду создать из управления общественными делами тайны, в которую способны проникнуть только весьма немногие великие гении, рождающиеся не более трех в столетие. Напротив, они полагают, что правдивость, справедливость, воздержание и подобные качества доступны всем и что совершенствование в этих добродетелях вместе с опытностью и добрыми намерениями делают каждого человека пригодным для служения своему отечеству в той или другой должности, за исключением тех, которые требуют специальных знаний. По их мнению, самые высокие умственные дарования не могут заменить нравственных достоинств, и нет ничего опаснее поручения должностей таким даровитым лицам, ибо ошибка, совершенная по невежеству лицом, исполненным добрых намерений, не может иметь таких роковых последствий для общественного блага, как деятельность человека с порочными наклонностями, одаренного талантом скрывать свои пороки, умножать их и безнаказанно предаваться им.

Точно так же неверие в божественное провидение делает человека непригодным к занятию общественной должности. И в самом деле, лилипуты думают, что раз монархи называют себя посланниками провидения, то было бы в высшей степени нелепо назначать на правительственные места людей, отрицающих авторитет, на основании которого действует монарх.

Описывая как эти, так и другие законы империи, о которых будет речь дальше, я хочу предупредить читателя, что мое описание касается только исконных установлений страны, не имеющих ничего общего с современной испорченностью нравов, являющейся результатом глубокого вырождения самой человеческой природы. Так, например, известный уже читателю позорный обычай назначать на высшие государственные должности людей, искусно танцующих на канате, и давать знаки отличия тем, кто перепрыгнет через палку или проползет под нею, впервые был введен дедом ныне царствующего императора и теперешнего своего развития достиг благодаря непрестанному росту партий и группировок.

Неблагодарность считается у них уголовным преступлением (из истории мы знаем, что такой взгляд существовал и у других народов), и лилипуты по этому поводу рассуждают так:

раз человек способен платить злом своему благодетелю, то он неизбежно является врагом всех других людей, которым он ничем не обязан, и потому он достоин смерти.

Лилипуты полагают, что воспитание детей менее всего может быть вверено их родителям, вследствие чего в каждом городе существуют общественные воспитательные заведения, куда обязаны отдавать своих детей обою пола все, кроме крестьян и рабочих, и где они воспитываются и обучаются с двадцатилунного возраста, то есть с того времени, когда, по предположению лилипутов, у ребенка проявляются первые зачатки понятливости. Школы эти нескольких типов, соответственно общественному положению и полу детей. Воспитание и образование ведется опытными педагогами, которые готовят детей к такому образу жизни, который соответствует положению их родителей и их собственным наклонностям и способностям. Сначала я скажу несколько слов о воспитательных заведениях для мальчиков, а потом о воспитательных заведениях для девочек.

Воспитательные заведения для мальчиков благородного или знатного происхождения находятся под руководством видных и опытных педагогов и их многочисленных помощников. Одежда и пища детей отличаются скромностью и простотой. Они воспитываются в правилах чести, справедливости, храбрости; в них развивают скромность, кротость, религиозные чувства и любовь к отечеству. Они всегда за делом, кроме того времени, очень непродолжительного, которое потребно на еду и сон, и двух рекреационных часов, которые посвящаются телесным упражнениям. До четырех лет детей одевает и раздевает прислуга, но, начиная с этого возраста, то и другое они делают сами, как бы ни было знатно их происхождение. Служанки, которых не берут моложе пятидесяти лет, переводя на наши годы, исполняют только самые черные работы. Детям никогда не позволяют разговаривать с прислугой, и во время отдыха они играют все вместе, разделившись на небольшие группы, всегда в присутствии воспитателя или его помощника. Таким образом, они с самого раннего возраста ограждены от влияния беспутства и порока, которому всецело предоставлены наши дети. Родители имеют право на свидание со своими детьми два раза в год; каждое свидание продолжается не более часа. Им позволяется целовать ребенка только при встрече и при прощании; воспитатель, неотлучно присутствующий во время свидания, не позволяет им шептать на ухо, говорить ласковые слова и приносить в подарок игрушки, лакомства и тому подобное.

Если родители не вносят своевременно платы за содержание и воспитание своих детей, то эта плата взыскивается с них правительственными чиновниками.

Воспитательные заведения для детей среднего дворянства, купцов и ремесленников ведутся по тому же образцу, причем дети, предназначенные быть ремесленниками, с одиннадцати лет обучаются мастерству, между тем как дети дворян и купцов продолжают общее образование до пятнадцати лет, что соответствует нашему двадцати одному году. Однако строгости школьной жизни постепенно ослабляются в последние три года.

В женских воспитательных заведениях девочки знатного происхождения воспитываются почти так же, как и мальчики, только вместо слуг их одевают и раздевают благонравные бонны, но всегда в присутствии воспитательницы или ее помощницы; по достижении пяти лет девочки одеваются сами. Если бывает замечено, что бонна позволила себе рассказать девочкам какую-нибудь страшную и нелепую сказку или позабавить их какой-нибудь глупой выходкой, которые так обыкновенны у наших горничных, то виновная троекратно подвергается публичной порке кнутом и затем годовому тюремному заключению, после которого она ссылается в самые отдаленные места государства. Благодаря такой системе воспитания молодые дамы так же стыдятся трусости и глупости, как и мужчины, и относятся с презрением ко всяким украшениям, за исключением благопристойности и опрятности. Я не заметил никакой разницы в их воспитании, обусловленной различием пола: только физические упражнения для девочек более легкие да курс наук для них менее обширен, но зато им преподаются правила ведения домашнего хозяйства. Ибо лилипуты убеждены, что жена должна быть разумной и милой подругой

мужа, так как ее молодость и красота не вечны. Когда девице исполняется двенадцать лет, то есть наступает по-тамошнему пора замужества, в школу являются ее родители или опекуны и, принеся глубокую благодарность воспитателям, берут ее домой, причем прощание молодой девушки с подругами редко обходится без слез.

В воспитательных заведениях для девочек, происходящих из низших классов, детей обучают всякого рода работам, подобающим их полу и общественному положению. Девочки, предназначенные для занятий ремеслами, остаются в воспитательном заведении до семи лет, остальные до одиннадцати.

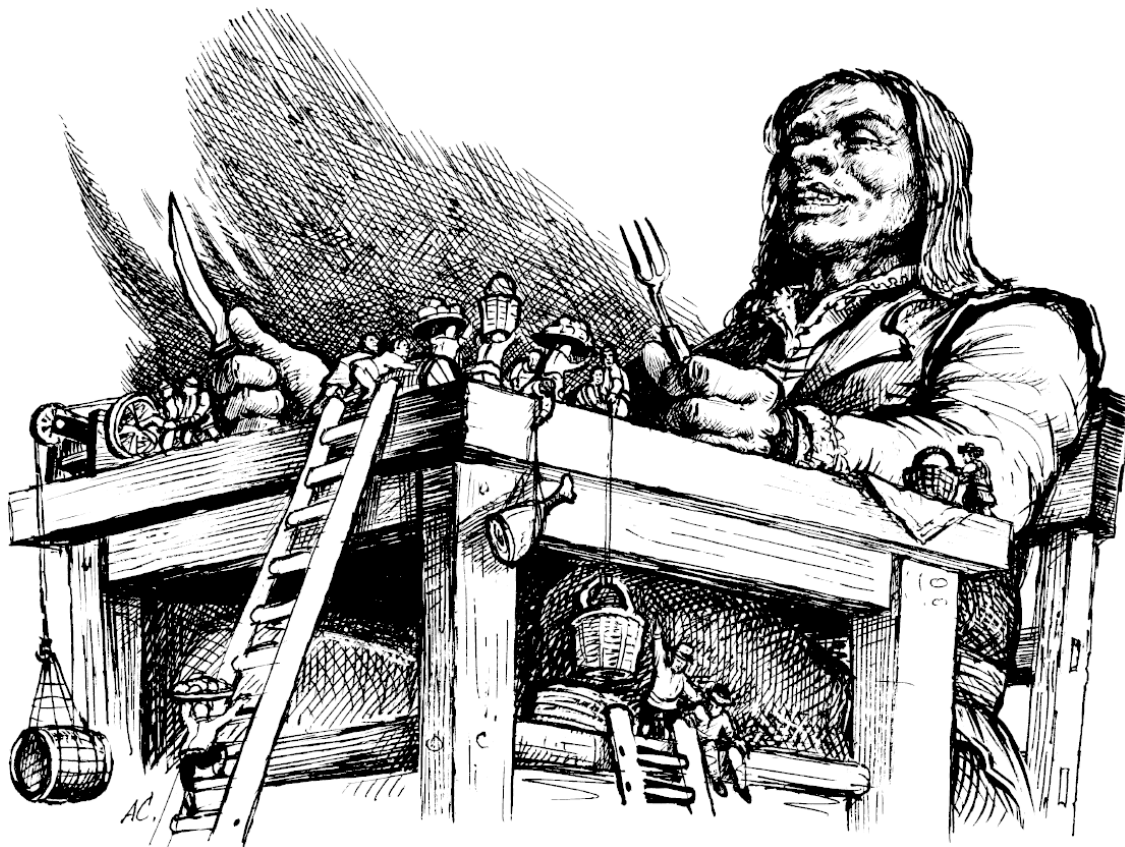
Семьи низших классов, имеющие детей в этих заведениях, обязаны вносить казначею заведения, кроме годовой платы, ограниченной минимальными размерами, небольшую часть своего месячного заработка; из этих взносов образуется приданое для дочери. Что же касается знатных лиц, то они дают обязательство положить на каждого ребенка известный капитал, соответственно своему общественному положению; этот капитал умело пускается в оборот руководителями заведения, проявляющими при этом большую добросовестность.

Крестьяне и рабочие держат своих детей дома; так как они предназначены судьбой возделывать и обрабатывать землю, то их образование не имеет особенного значения для общества. Но больные и старики содержатся в богадельнях, ибо нищенство есть занятие, не известное в империи.

Но, быть может, любознательному читателю будут интересны некоторые подробности относительно моих занятий и образа жизни в этой стране, где я пробыл девять месяцев и тринадцать дней. Принужденный обстоятельствами, я нашел применение своей склонности к механике и сделал себе довольно удобные стол и стул из самых больших деревьев королевского парка. Двум сотням швей было поручено изготовить для меня рубахи, постельное и столовое белье из самого прочного и грубого полотна, какое только они могли достать; но и его им пришлось стегать, сложив в несколько раз, потому что самое толстое тамошнее полотно было тоньше нашей кисеи. Куски этого полотна бывают обыкновенно в три дюйма ширины и три фута длины. Белошвейки сняли с меня мерку, когда я лежал в постели: одна из них стала мне на шею, другая на колено, и они протянули между собою веревку, взяв каждая за ее конец, третья же смерила длину веревки линейкой в один дюйм. Затем они смерили большой палец правой руки и этим ограничились; посредством математического расчета, основанного на том, что окружность кисти вдвое больше длины пальца, окружность шеи вдвое больше окружности кисти, а окружность талии вдвое больше окружности шеи, и при помощи моей старой рубахи, которую я разостлал на земле перед ними как образец, они сшили мне белье вполне по росту. Точно так же тремстам портным было поручено сшить мне костюм, но для снятия мерки они прибегли к другому приему. Я стал на колени, и они приставили к моему туловищу лестницу; по этой лестнице один из них взобрался до моей шеи и опустил отвес от воротника до полу, что и составило длину моего кафтана; рукава и талию я смерил сам. Когда костюм был готов (а шили его в моем замке, так как он не поместился бы в самом большом их доме), то своим видом он очень напоминал одеяла, изготавливаемые английскими дамами из кусочков материи, с той только разницей, что не пестрел разными цветами.

Стряпали мне триста поваров в маленьких удобных бараках, построенных вокруг моего замка, где они и жили со своими семьями; они обязаны были готовить мне по два блюда на завтрак, обед и ужин. Я брал в руку двадцать лакеев и ставил их себе на стол; сотня их товарищей прислуживала на полу; одни носили кушанья, другие подкатывали бочонки с вином и всевозможными напитками. Лакеи, стоявшие на столе, по мере надобности очень искусно поднимали все это на особых блоках, вроде того как у нас в Европе поднимают ведро воды из колодца. Каждое их блюдо я проглатывал в один прием, каждый бочонок вина осушал одним глотком. Их баранина по вкусу уступает нашей, но зато говядина превосходна. Раз мне достался такой огромный кусок филе, что пришлось разрезать его на три части, но это исключительный слу-

чай. Слуги бывали очень изумлены, видя, что я ем говядину с костями, как у нас едят ножки жаворонков. Здешних гусей и индеек я обыкновенно проглатывал в один прием, и, надо отдать справедливость, птицы эти гораздо вкуснее наших. Мелкой птицы я брал на кончик ножа по двадцати или тридцати штук зараз.

Его величество, наслышавшись о моем образе жизни, заявил однажды, что он будет счастлив (так было угодно ему выразиться) отобедать со мною в сопровождении августейшей супруги и молодых принцев и принцесс. Когда они прибыли, я поместил их на столе против себя в парадных креслах, со свитой по сторонам. В числе присутствующих был также лорд-канцлер казначейства Флимнап с белым жезлом в руке; я часто ловил его недоброжелательные взгляды, но делал вид, что не замечаю их, и ел более обыкновенного, во славу моей дорогой родины и на удивление двора. У меня есть некоторое основание думать, что это посещение его величества дало повод Флимнапу уронить меня в глазах своего государя. Означенный министр всегда был моим тайным врагом, хотя с виду обходился со мной гораздо любезнее, чем того можно было ожидать от его угрюмого нрава. Он доложил императору о плохом состоянии государственного казначейства, вынудившем его прибегнуть к займу за большие проценты. Он сказал, что курс банковых билетов упал на девять процентов ниже *альпари*, что мое содержание обошлось уже его величеству более полутора миллионов *спругов* (самая крупная золотая монета у лилипутов, величиною с маленькую блестящую) и, наконец, что император поступил бы весьма благоразумно, если бы воспользовался первым благоприятным случаем для высылки меня за пределы империи.

На мне лежит обязанность защитить невинно пострадавшую из-за меня честь одной почтенной дамы. Канцлеру казначейства пришла в голову фантазия приревновать ко мне свою супругу на основании сплетен, пущенных в ход злыми языками: канцлеру наговорили, будто ее светлость вспылала безумной страстью к моей особе; много скандального шума наделал

при дворе слух, будто раз она тайно приезжала ко мне. Я торжественно заявляю, что все это самая бесчестная клевета, единственным поводом к которой послужило невинное изъявление дружеских чувств со стороны ее светлости. Она действительно часто подъезжала к моему дому, но это делалось всегда открыто, причем с ней в карете сидели еще три особы: сестра, дочь и подруга; таким же образом ко мне приезжали и другие придворные дамы. В качестве свидетелей призываю моих многочисленных слуг; пусть кто-нибудь из них скажет, видел ли он у моих дверей карету, не зная, кто находится в ней. Обыкновенно в подобных случаях я немедленно выходил к двери после доклада моего слуги; засвидетельствовав свое почтение прибывшим, я осторожно брал в руки карету с парой лошадей (если она была запряжена шестеркой, фореитор всегда отпрягал четырех) и ставил ее на стол, который я окружил передвижными перилами, вышиной в пять дюймов, для предупреждения от несчастных случайностей. Часто на моем столе стояли разом четыре запряженные кареты, наполненные элегантными дамами. Сам я садился в свое кресло и наклонялся к ним; в то время как я разговаривал таким образом с особами, сидевшими в одной карете, другие кареты тихонько кружились по моему столу. Много послеобеденных часов провел я очень приятно в таких разговорах. Однако ни канцлеру казначейства, ни двум его соглядатаям Клестрилю и Дренлю (пусть они делают что угодно, а я назову их имена) никогда не удастся доказать, чтобы ко мне являлся кто-нибудь инкогнито, кроме государственного секретаря Рельдреселя, посетившего раз меня по специальному повелению его императорского величества, как рассказано об этом выше. Я бы не останавливался так долго на этих подробностях, если бы вопрос не касался так близко репутации почтенной дамы, не говоря уже о моей собственной, хотя я и имел тогда честь носить титул *нардака*, которого не имеет сам канцлер казначейства, ибо всем известно, что он только *глюмглюм*, а этот титул в такой же степени ниже моего, в какой титул маркиза в Англии ниже титула герцога; впрочем, я согласен признать, что занимаемый им пост ставит его выше меня.

Эти наветы, о которых я узнал впоследствии по одному не стоящему упоминания случаю, на некоторое время озлобили канцлера казначейства Флимнапа против его жены и еще пуще против меня. Хотя он вскоре и примирился с женой, удостоверившись в своем заблуждении, однако я навсегда потерял его доверие и скоро увидел, что мое положение пошатнулось также в глазах самого императора, который находился под сильным влиянием своего фаворита.

Глава VII

Автор, будучи осведомлен о намерении обвинить его в государственной измене, предпринимает побег в Блефуску. Прием, оказанный ему там.

Прежде чем рассказать, каким образом я оставил это государство, пожалуй, уместно посвятить читателя в подробности тайной интриги, которая в течение двух месяцев плелась против меня.

Благодаря своему низкому происхождению я жил до сих пор вдали от королевских дворов. Правда, я много слышал и читал о нравах великих монархов и их министров, но никогда не предполагал, какие ужасные последствия может вызвать гнев власть имущих в столь отдаленной стране, управляемой, как я думал, в духе принципов, совсем непохожих на те, какие господствуют в Европе.

Когда я готовился отправиться к императору Блефуску, одна значительная при дворе особа (которой я оказал очень существенную услугу в то время, когда она была в большой немилости у его императорского величества) тайно прибыла ко мне поздно вечером в закрытом портшезе и, не называя себя, просила принять ее. Носильщики были отосланы, и я спрятал портшез вместе с его превосходительством в карман своего кафтана, после чего приказал своему верному слуге говорить каждому, что мне нездоровится и что я пошел спать. Я запер за собою дверь, поставил портшез по обыкновению на стол и сел на стул против него. Когда мы обменялись взаимными приветствиями, я заметил большую озабоченность на лице его превосходительства и пожелал узнать о причине. Тогда он просил выслушать его терпеливо, так как дело касалось моей чести и жизни, и обратился ко мне со следующей речью, которую тотчас же по его уходе я в точности записал.

– Надо вам сказать, – начал он, – что в последнее время относительно вас происходило в страшной тайне несколько совещаний особых комитетов, и два дня тому назад его величество принял окончательное решение.

Вы прекрасно знаете, что почти со дня вашего прибытия сюда Скайреш Болголам (*гельбет*, или верховный адмирал) стал вашим смертельным врагом. Мне неизвестна первоначальная причина этой вражды, но его ненависть особенно усилилась после великой победы, одержанной вами над Блефуску, которая сильно омрачила его славу адмирала. Этот сановник, в сообществе с Флимнапом, канцлером казначейства, неприязнь которого к вам из-за жены всем известна, генералом Лимтоком, камергером Лелькеном и верховным судьей Бельмафом, составил акт, обвиняющий вас в государственной измене и других тяжких преступлениях.

Это сообщение сильно взволновало меня, так как я ясно сознавал свою невиновность и свои заслуги, и от нетерпения я чуть было не прервал оратора, но он умолял меня сохранить молчание и продолжал так:

– Руководствуясь чувством глубокой благодарности за оказанные вами услуги, я познакомился со всеми подробностями дела и достал копию обвинительного акта, рискуя поплатиться за это своей головой. Вот этот акт.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

против

КУИНБУС ФЛЕСТРИНА

Человека-Горы

Принимая во внимание, что законом, изданным в царствование его императорского величества Келина Дефара Плюне, запрещено под страхом наказания, как за оскорбление величества, мочиться в ограде королевского дворца; что, несмотря на это, упомянутый Куинбус Флестрин, в явное нарушение упомянутого закона, под предлогом тушения пожара, охватившего покои любезной супруги его императорского величества, злобно, предательски и дьявольски выпустив мочу, погасил упомянутый пожар в упомянутых покоях, находясь в ограде упомянутого королевского дворца, вопреки существующему на этот предмет закону, в нарушение долга и пр. и пр.

Что упомянутый Куинбус Флестрин, приведя в императорский порт флот императора Блефуску и получив повеление от его императорского величества захватить все остальные суда упомянутой империи Блефуску, с тем чтобы обратить эту империю в нашу провинцию под управлением нашего вице-короля, уничтожить и казнить не только укрывающихся там тупоконечников, но и всех подданных этой империи, которые не отступятся немедленно от тупоконечной ереси, – упомянутый Флестрин, как вероломный изменник, предъявил просьбу его благосклоннейшему и светлейшему императорскому величеству избавить его, Флестрина, от исполнения упомянутого поручения под предлогом отвращения к насилию в делах совести и нежелания уничтожать вольности и жизнь невинного народа.

Что, когда прибыло известное посольство от двора Блефуску ко двору его величества просить мира, он, упомянутый Флестрин, как вероломный изменник, помогал, подстрекал, ободрял и увеселял упомянутых послов, хорошо зная, что они слуги монарха, который так недавно был открытым врагом его императорского величества и вел открытую войну с упомянутым величеством.

Что упомянутый Куинбус Флестрин, в противность долгу верноподданного, собирается теперь совершить путешествие ко двору и в империю Блефуску, на которое получил только лишь словесное соизволение его императорского величества, и что, под предлогом упомянутого соизволения, он имеет намерение вероломно и изменнически совершить упомянутое путешествие с целью оказать помощь, ободрить и поддержать императора Блефуску, так недавно бывшего врагом упомянутого его императорского величества и находившегося с ним в открытой войне.

В обвинительном акте есть еще пункты, но прочтенные мною наиболее существенны.

Надо признаться, что во время долгих прений по поводу этого обвинения его величество проявил большую к вам снисходительность, весьма часто ссылаясь на ваши заслуги перед ним и стараясь смягчить ваши преступления. Канцлер казначейства и адмирал настаивали на том, чтобы предать вас самой мучительной и позорной смерти. Они предложили поджечь ночью ваш дом, окружив его двадцатитысячной армией, вооруженной отравленными стрелами, предназначенными для вашего лица и рук. Возникла также мысль дать тайное повеление некоторым вашим слугам напитать ваши рубахи и простыни ядовитым соком, который скоро заставил бы вас разодрать ваше тело и причинил бы вам самую мучительную смерть. Генерал присоединился к этому мнению, так что в течение долгого времени большинство было против вас; но его величество, решив по возможности щадить вашу жизнь, в заключение привлек на свою сторону обер-гофмейстера.

В разгар этих прений Рельдресель, главный секретарь по тайным делам, который всегда являлся вашим истинным другом, получил повеление его величества высказать свое мнение, что он и сделал, вполне оправдав ваше доброе о нем мнение. Он согласился, что ваши преступления велики, но они все же оставляют место для милосердия, этой величайшей добродетели, которая так справедливо украшает его величество. Он сказал, что существующая между ним и вами дружба известна всякому, и потому высокопочтенное собрание, может быть, найдет его мнение пристрастным; однако, повинуюсь полученному приказанию его величества,

он изложит его совершенно свободно; что, если его величеству будет благоугодно, во внимание к вашим заслугам и в соответствии с добротой своего сердца пощадить вашу жизнь и удовольствоваться повелением выколоть вам оба глаза, то он осмеливается думать, что такая мера, удовлетворив в некоторой степени правосудие, в то же время приведет в восхищение весь мир, который будет приветствовать столько же снисходительность монарха, сколько честность и великодушные лиц, имеющих честь быть его советниками; что потеря глаз не нанесет никакого ущерба вашей физической силе, благодаря которой вы еще можете быть полезны его величеству; что слепота, скрывая от вас опасность, только увеличит вашу храбрость; что боязнь потерять зрение служила вам главным препятствием при захвате неприятельского флота и что для вас достаточно будет смотреть на все глазами министров, раз даже величайшие монархи вполне довольствуются этим.

Это предложение было встречено высоким собранием с крайним неодобрением. Адмирал Болголам не в силах был сохранить хладнокровие; в бешенстве вскочив с места, он сказал, что удивляется, как осмелился секретарь подать голос за сохранение жизни изменника; что оказанные вами услуги, по соображениям государственной безопасности, еще более отягчают ваши преступления; что раз вы были способны простым мочеиспусканием (о чем он не может вспомнить без отвращения) потушить пожар в покоях ее величества императрицы, то в другое время вы будете способны таким же образом вызвать наводнение и затопить весь дворец; что та самая сила, которая позволила вам отнять у неприятеля флот, при первом вашем неудовольствии послужит на то, что вы отведете этот флот обратно; наконец, у него есть полное основание думать, что в глубине души вы тупоконечник; и так как измена зарождается в сердце прежде, чем проявляет себя в действии, то он обвинил вас на этом основании в измене и настаивал, чтобы вы были немедленно казнены.

Канцлер казначейства был того же мнения; он показал, в какое затруднительное положение были приведены финансы его величества благодаря тяжелому бремени, которым лежит на них ваше содержание; финансовое напряжение скоро станет невыносимым, и предложение секретаря выколоть вам глаза не только не вылечит от этого зла, но, по всей вероятности, усугубит его, ибо после этой операции животные едят больше и скорее жиреют; и если его священное величество и члены совета, ваши судьи, обращаясь к своей совести, пришли к твердому убеждению в вашей виновности, то это является достаточным основанием приговорить вас к смерти, не затрудняясь подысканием формальных доказательств, требуемых буквой закона.

Но его императорское величество решительно высказался против смертной казни, милостиво изволив заметить, что если совет находит лишение вас зрения наказанием слишком легким, то всегда будет время применить другое, более тяжелое. Тогда ваш друг секретарь, испросив позволение выслушать его возражения на замечания канцлера казначейства по поводу значительных расходов на ваше содержание, сильно обременяющих казну его величества, сказал: так как распоряжение доходами его величества всецело принадлежит его превосходительству, то ему нетрудно будет предотвратить угрожающую опасность путем постепенного уменьшения расходов на ваше содержание; таким образом, вследствие недостаточного количества пищи вы станете слабеть, худеть, потеряете аппетит и зачахнете в несколько месяцев; такая мера будет иметь еще и то преимущество, что разложение вашего трупa станет менее опасным, так как тело ваше уменьшится в объеме по крайней мере в два раза; и немедленно после вашей смерти пять или шесть тысяч подданных его величества смогут в два или три дня отделить мясо от костей, сложить его в телеги, свезти и закопать далеко за городом во избежание заразы, а скелет сохранить как памятник на удивление потомству.

Таким образом, благодаря дружескому расположению к вам секретаря удалось прийти к удовлетворительному решению вашего дела. Было строго предписано сохранить втайне намерение постепенно уморить вас голодом; приговор же о вашем ослеплении занесен в протокол по единогласному решению членов совета, за исключением адмирала Болголама, креатуры императрицы, который, благодаря непрерывным подстрекательствам ее величества, настаивал на вашей смерти; императрица же затаила на вас злобу из-за неблагоприятного и незаконного способа, каким вы потушили пожар в ее апартаментах.

Через три дня ваш друг секретарь получит повеление явиться к вам и прочитать все пункты обвинительного акта; при этом он объяснит вам, насколько велики снисходительность и благосклонность его величества и государственного совета, благодаря которым вы приговорены только к ослеплению. Его величество не сомневается, что вы покорно и с благодарностью подчинитесь этому приговору; двадцать хирургов его величества назначены наблюдать за надлежащим совершением операции при помощи очень тонко заостренных стрел, которые будут пущены в ваши глазные яблоки в то время, когда вы будете лежать на земле.

Засим, предоставляя вашему благоразумию позаботиться о принятии соответствующих мер, я должен, во избежание подозрений, немедленно удалиться так же тайно, как прибыл сюда.

С этими словами его превосходительство покинул меня, и я остался один, подавленный только что полученным сообщением.

У лилипутов существует обычай, введенный нынешним императором и его министрами, очень непохожий, как меня уверяли, на то, что практиковалось в прежние времена. Если, в угоду мстительности монарха или злобе фаворита, суд приговаривает кого-либо к жестокому наказанию, то император произносит в пленуме государственного совета речь, изображающую его великое милосердие и доброту, как качества, всем известные и всеми признанные. Речь немедленно публикуется по всей империи, и ничто так не устрашает народ, как эти панегирики

императорскому милосердию, ибо замечено, что чем они пространнее и велеречивее, тем бесчеловечнее наказание и невиннее жертва. Однако должен признаться, что, не предназначенный ни рождением, ни воспитанием к роли придворного, я был плохой судья в подобных вещах и никак не мог найти признаков кротости и милосердия в приговоре, касающемся меня, а, напротив (хотя, быть может, и несправедливо), считал его скорее суровым, чем мягким. Иногда мне приходило на мысль явиться лично в совет и защищаться, ибо если я и не мог оспаривать фактов, изложенных в обвинительном акте, то все-таки надеялся, что они допускают некоторое смягчение приговора. Но, с другой стороны, судя по описаниям многочисленных политических процессов, о которых приходилось мне читать, все они оканчивались в смысле, желательном для судей, и я не решался вверить свою участь, в таких критических обстоятельствах, столь могущественным врагам. Меня очень соблазняла мысль оказать сопротивление; я отлично понимал, что, покуда я пользовался свободой, все силы этой империи не могли бы одолеть меня и я легко мог бы забросать камнями и обратить в развалины всю столицу; но, вспомнив присягу, данную мною императору, все его милости ко мне и высокий титул *нардака*, которым он меня пожаловал, я тотчас с отвращением отверг этот проект. Я с трудом усваивал придворные взгляды на благодарность, и никак не мог убедить себя, что теперешняя суровость его величества освобождает меня от всяких обязательств по отношению к нему.

Наконец я остановился на решении, за которое, быть может, многие не без основания меня осудят. Ведь, надо признаться, я обязан сохранением зрения, а стало быть, и свободы, своему чрезвычайному безрассудству и неопытности. В самом деле, если бы в то время я знал так же хорошо нравы монархов и министров и их обращение с преступниками, гораздо менее виновными, чем был я, как я узнал это потом, наблюдая придворную жизнь в других государствах, я бы с величайшей радостью и поспешностью подчинился столь легкому наказанию. Но я был молод и горяч; воспользовавшись разрешением его величества посетить императора Блефуску, я еще до окончания трехдневного срока послал моему другу секретарю письмо, в котором уведомлял его о своем решении отправиться в то же утро в Блефуску согласно полученному мной разрешению. Не дожидаясь ответа, я направился к морскому берегу, где стоял на якоре наш флот. Захватив большой военный корабль, я привязал к его носу веревку, поднял якоря, разделся и положил свое платье в корабль (вместе с одеялом, которое принес на руке); затем, ведя корабль за собою, частью вброд, частью вплавь, я добрался до королевского порта Блефуску, где уже давно меня ожидала толпа народа. Мне дали двух проводников, чтобы показать дорогу в столицу Блефуску, носящую то же название, что и государство. Я нес их в руках, пока не подошел на сто сажень к городским воротам; тут я попросил их известить о моем прибытии одного из государственных секретарей и передать ему, что я ожидаю приказаний его величества. Через час я получил ответ, что его величество в сопровождении августейшей семьи и высших придворных чинов выехал встретить меня. Я приблизился на сто ярдов. Император и его свита соскочили с лошадей, императрица и придворные дамы вышли из карет, и я не заметил у них ни малейшего страха или беспокойства. Я лег на землю, чтобы поцеловать руку императора и императрицы. Я объявил его величеству, что прибыл сюда согласно моему обещанию и с соизволения императора, моего повелителя, чтобы иметь честь лицезреть могущественнейшего монарха и предложить ему зависящие от меня услуги, если они не будут противоречить долгу верноподданного перед моим государем; я ни слова не упомянул о постигшей меня немилости, потому что, не получив еще официального уведомления, я вполне мог и не знать о намерениях своего императора. С другой стороны, у меня было полное основание предполагать, что император не пожелает предать огласке мою опалу, если узнает, что я нахожусь вне его власти; однако скоро выяснилось, что я сильно ошибся в своих предположениях.

Не буду утомлять внимание читателя подробным описанием приема, оказанного мне при дворе императора Блефуску; замечу только, что он вполне соответствовал великодушию столь могущественного монарха. Не буду также говорить о неудобствах, которые я испытывал бла-

годаря отсутствию подходящего помещения и постели: мне пришлось спать на голой земле, укрывшись своим одеялом.

Глава VIII

Автор благодаря счастливому случаю находит возможность оставить империю Блефуску и после некоторых затруднений возвращается благополучно в свое отечество.

Спустя три дня после моего прибытия в Блефуску я из любопытства отправился на северо-восточный берег острова и тут заметил на расстоянии полулиги, в открытом море, что-то похожее на опрокинутую лодку. Сняв башмаки и чулки и пройдя вброд около двухсот или трехсот ярдов, я увидел, что благодаря приливу предмет приближается, и тут уже не оставалось никаких сомнений, что это настоящий бот, вероятно оторванный бурей от какого-нибудь корабля. Я тотчас возвратился в город и попросил его величество дать в мое распоряжение двадцать самых больших кораблей, оставшихся у него после потери флота, и три тысячи матросов под командой вице-адмирала. Флот пошел кругом острова, а я кратчайшим путем возвратился к тому месту берега, где обнаружил бот; за это время прилив еще ближе пригнал его. Все матросы были снабжены веревками, которые я предварительно ссучил для большей прочности. Когда прибыли корабли, я разделся и отправился к боту, сначала вброд, а не доходя ста ярдов, вплавь. Матросы бросили мне веревку, один конец которой я привязал к отверстию в передней части бота, а другой к одному из военных кораблей, но от всего этого было мало пользы, потому что, не доставая ногами дна, я не мог работать как следует. Ввиду этого мне пришлось подплыть к боту сзади и по мере сил подталкивать его вперед одной рукой. Так как мне помогал прилив, то я достиг такого места, где мог стать на ноги, погрузившись в воду до подбородка. Я отдохнул две или три минуты и затем продолжал подталкивать бот до тех пор, пока вода не дошла у меня до подмышек. Когда таким образом самая трудная часть предприятия была исполнена, я взял остальные веревки, сложенные на одном из кораблей, и привязал их сначала к боту, а потом к девяти сопровождавшим меня судам. Ветер был попутный, матросы тянули бот на буксире, я подталкивал его, и мы скоро подошли на сорок ярдов к берегу. Подождав отлива, когда бот оказался на суше, я при помощи двух тысяч человек, снабженных веревками и машинами, перевернул бот и нашел, что повреждения его незначительны.

Не буду докучать читателю описанием затруднений, которые пришлось преодолеть, чтобы на веслах (работа над которыми отняла у меня десять дней) привести бот в императорский порт Блефуску, куда при моем прибытии стеклась несметная толпа народа, пораженная видом такого чудовищного судна. Я сказал императору, что этот бот привела ко мне моя счастливая звезда, чтобы я добрался на нем до места, откуда мне можно будет вернуться на родину; и я попросил его величество повелеть снабдить меня необходимыми материалами для оснастки судна, а также дать дозволение на отъезд. После некоторых попыток убедить меня остаться император соизволил дать свое согласие.

Меня очень удивило, что за это время, насколько мне было известно, ко двору Блефуску не поступало никаких запросов обо мне от нашего императора. Однако позднее мне частным образом сообщили, что его императорское величество, ни минуты не подозревая, что мне известны его намерения, усмотрел в моем отъезде в Блефуску простое исполнение обещания, согласно данному им на то дозволению, о котором было хорошо известно всему двору; он был уверен, что я возвращусь через несколько дней, когда все формальности визита будут выполнены. Но через некоторое время мое долгое отсутствие начало его беспокоить. Посоветовавшись с канцлером казначейства и другими министрами, он послал ко двору Блефуску одну знатную особу с копией моего обвинительного акта. Этот посланец имел инструкции поставить на вид монарху Блефуску великое милосердие своего повелителя, удовольствовавшегося наложением на меня такого легкого наказания, как ослепление, и объявить, что я бежал от правосудия; и если в течение двух часов не возвращусь назад, то буду лишен титула *нардака* и объявлен изменником. Посланный прибавил, что в видах сохранения мира и дружбы между двумя

империями его повелитель питает надежду, что его брат, император Блефуску, даст повеление отправить меня в Лилипутию, связанного по рукам и ногам, чтобы подвергнуть меня наказанию за измену.

Император Блефуску, после трехдневного размышления, послал весьма любезный ответ со множеством извинений. Он писал, что брат его прекрасно понимает полную невозможность отправить меня в Лилипутию, связанного по рукам и ногам; что хотя я лишил его флота, однако же он считает себя обязанным мне за множество добрых услуг, оказанных мною во время мирных переговоров; что, впрочем, оба монарха скоро вздохнут свободнее, так как я нашел на берегу огромный корабль, на котором могу отправиться в море; что он отдал приказ снарядить этот корабль по моим указаниям и надеется, что через несколько недель обе империи избавятся наконец от столь невыносимого бремени.

С этим ответом посланный возвратился в Лилипутию, и монарх Блефуску сообщил мне все, что произошло, предлагая в то же время, но под условием хранить это в строгой тайне, свое милостивое покровительство, если мне угодно будет остаться у него на службе. Хотя я считал предложение императора вполне искренним, однако решил не доверяться больше монархам и министрам, если есть возможность обойтись без их помощи, и потому, выразив императору свою глубокую благодарность за его милостивое внимание, я почтительнейше просил его величество извинить меня и сказал, что хотя неизвестно, к счастью или невзгодам судьба посылает мне это судно, но я решил лучше отдать себя на волю океана, чем служить яблоком раздора между двумя столь могущественными монархами. У меня не было впечатления, что императору не понравился этот ответ, напротив, я узнал даже, что он остался очень доволен моим решением, как и большинство его министров.

Эти обстоятельства заставили меня поспешить и уехать скорее, чем я предполагал. Двор, в нетерпеливом ожидании моего отъезда, оказывал мне всяческое содействие. Пятьсот человек сделали под моим руководством два паруса для моего бота, простегав для этого сложенное в тринадцать раз самое толстое тамошнее полотно. Изготовление снастей и канатов я взял на себя, скручивая вместе по десяти, двадцати и тридцати самых толстых и прочных тамошних веревок. Большой камень, случайно найденный на берегу после долгих поисков, заменил мне якорь. Мне дали жир трехсот коров для смазки бота и других надобностей. С невероятными усилиями я срезал несколько самых высоких строевых деревьев на весла и мачты; в изготовлении их мне оказали, однако, большую помощь корабельные плотники его величества, которые выравнивали и обчищали то, что мною было сделано вчерне.

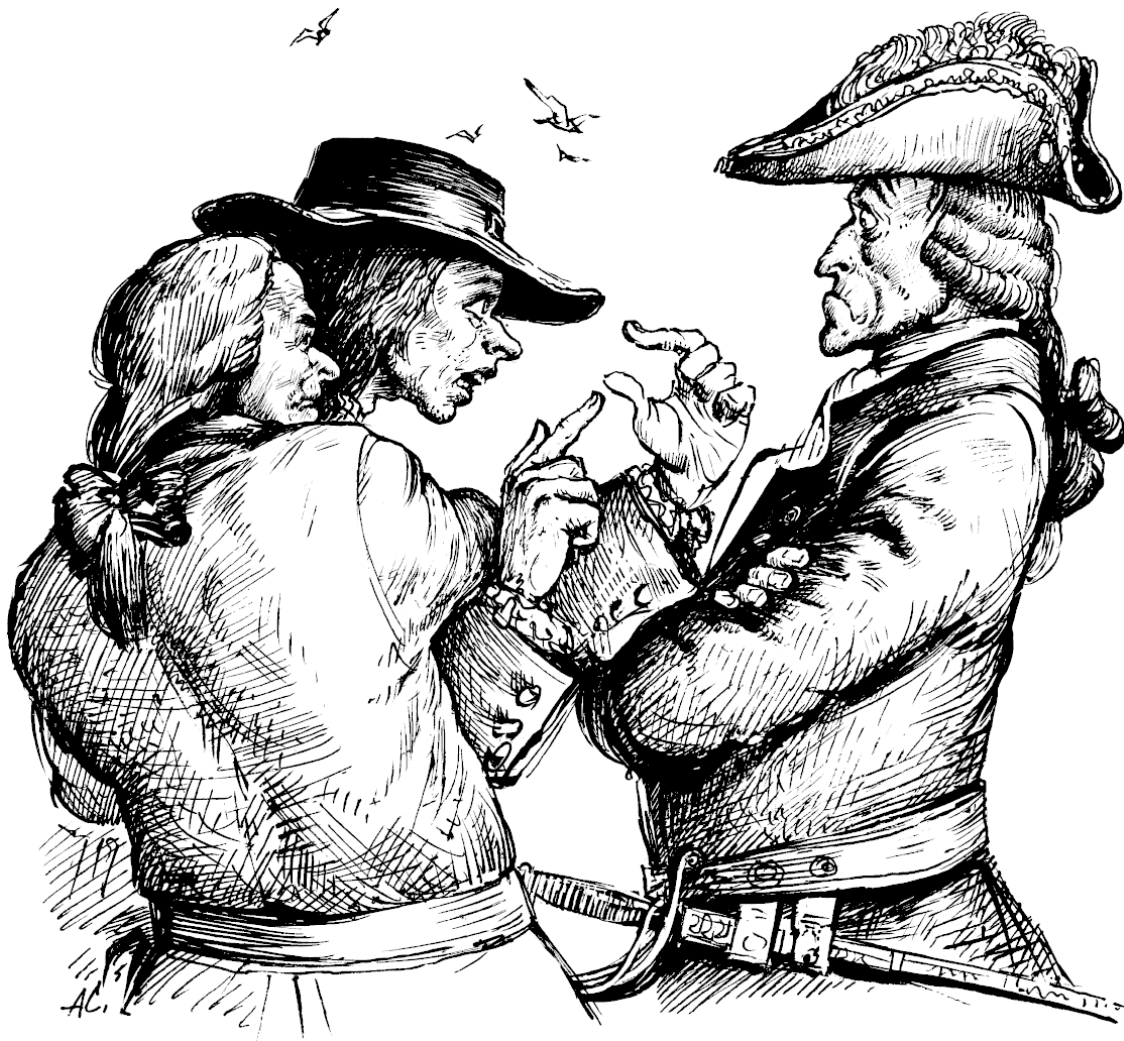
По прошествии месяца, когда все было готово, я отправился в столицу получить приказания его величества и попрощаться с ним. Император с августейшей семьей вышли из дворца: я лег на землю, чтобы поцеловать его руку, которую он очень благосклонно протянул мне; то же сделали императрица и все принцы крови. Его величество подарил мне пятьдесят кошельков с двумястами *спругов* в каждом, свой портрет во весь рост, который я тотчас спрятал себе в перчатку для большей сохранности. Но весь церемониал моего отъезда был так сложен, что сейчас я не буду утомлять читателя его описанием.

Я погрузил в бот сто воловых и триста бараньих туш, соответствующее количество хлеба и напитков и столько жареного мяса, сколько могли мне приготовить четыреста поваров. Кроме того, я взял с собою шесть живых коров и два быка и столько же овец с баранами, чтобы привезти их к себе на родину и заняться их разведением. Для прокормления этого скота в пути я захватил с собою большую вязанку сена и мешок зерна. Мне очень хотелось увезти с собою с десяток туземцев, но император ни за что не согласился на это; не довольствуясь самым тщательным осмотром моих карманов, его величество обязал меня честным словом не брать с собою никого из его подданных даже с их согласия и по их желанию.

Приготовясь таким образом как можно лучше к путешествию, я поставил паруса 24 сентября 1701 года в шесть часов утра. Пройдя при юго-восточном ветре около четырех лиг по направлению к северу, в шесть часов вечера я заметил на северо-западе, на расстоянии полулиги, небольшой островок. Я подъехал к нему и бросил якорь с подветренной стороны острова, который был, по-видимому, необитаем. Немного подкрепившись, я лег отдохнуть. Спал я хорошо и, по моему предположению, не меньше шести часов, потому что проснулся часа за два до наступления дня. Ночь была светлая. Позавтракав до восхода солнца, я поднял якорь и при попутном ветре взял с помощью карманного компаса тот же курс, что и накануне. Я намеревался добраться по возможности до одного из островов, лежащих, по моим соображениям, на северо-восток от Вандименовой Земли. В этот день я ничего не открыл, но около трех часов пополудни следующего дня, находясь, согласно моим вычислениям, в двадцати четырех лигах от Блефуску, я заметил парус, двигавшийся на юго-восток; сам же я направлялся прямо на восток. Я стал кричать, но ответа не добился. Однако скоро ветер ослабел, и я получил возможность догнать судно. Я поставил все паруса, и через полчаса корабль заметил меня, выбросил флаг и выстрелил из пушки. Трудно описать охватившее меня чувство радости, когда неожиданно явилась надежда вновь увидеть любезное отечество и покинутых там дорогих моему сердцу людей. Корабль убавил паруса, и я пристал к нему в шестом часу вечера 26 сентября. Мое сердце затрепетало от восторга, когда я увидел английский флаг. Рассовав коров и овец по карманам, я взошел на борт корабля со всем своим небольшим грузом. Это было английское купеческое судно, возвращавшееся из Японии северными и южными морями; капитан его, мистер Джон Бидль из Дептфорда, был человек в высшей степени любезный и превосходный моряк. Мы находились в это время под 30° южной широты. Экипаж корабля состоял из пятидесяти человек, и между ними я встретил одного моего старого товарища, Питера Вильямса,

который дал капитану самые благоприятные обо мне сведения. Капитан оказал мне любезный прием и попросил сообщить, откуда я еду и куда направляюсь. Когда я вкратце сказал ему это, он подумал, что я заговариваюсь и что перенесенные несчастья лишили меня рассудка. Тогда я вынул из кармана коров и овец; это привело его в крайнее изумление и убедило в моей правдивости. Затем я показал ему золото, полученное от императора Блефуску, портрет его величества и другие диковинки. Я отдал капитану два кошелька с двумястами *спругов* в каждом и обещал ему подарить, по прибытии в Англию, стельную корову и овцу.

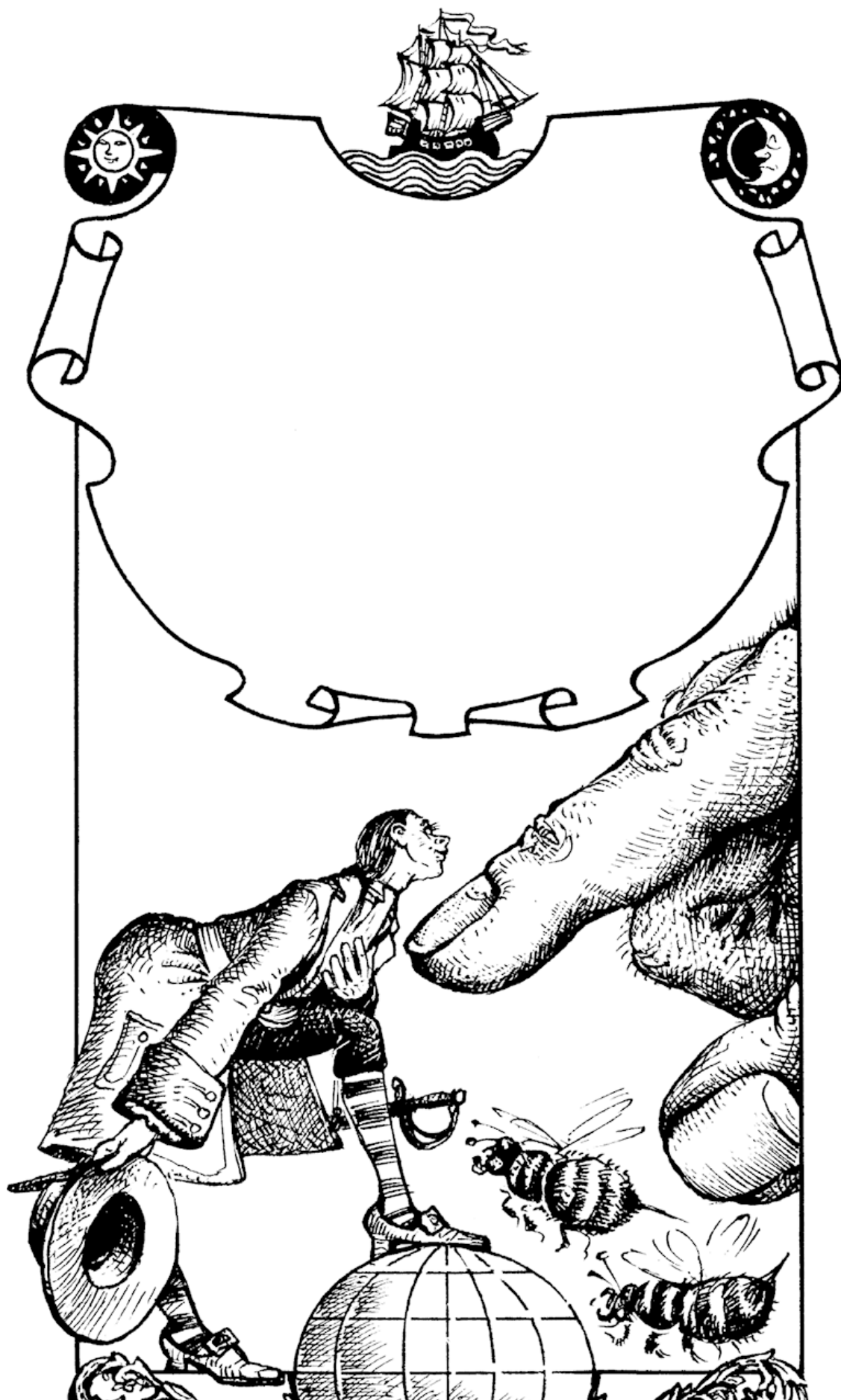
Но я не буду докучать читателю подробным описанием этого путешествия, которое оказалось очень благополучным. Мы прибыли в Даунс 13 апреля 1702 года. В пути у меня была неприятность: корабельные крысы утащили одну мою овечку, и я нашел в щели ее совершенно обглоданные кости. Весь остальной скот я благополучно доставил на берег и в Гринвиче пустил его на лужок; тонкая и нежная трава, сверх моего ожидания, послужила им прекрасным кормом. Я бы не мог сохранить этих животных в течение столь долгого путешествия, если бы капитан не давал мне своих лучших сухарей, которые я растирал в порошок, размачивал водою и в таком виде давал им. В продолжение моего недолгого пребывания в Англии я собрал значительную сумму денег, показывая этих животных многим знатным лицам и простому народу, а перед началом второго путешествия продал их за шестьсот фунтов. Возвратившись в Англию из последнего путешествия, я нашел уже довольно большое стадо; особенно расплодилось

овцы; и я надеюсь, что они принесут значительную пользу шерстопрядильной промышленности благодаря необыкновенно тонкой шерсти.

Я оставался с женой и детьми не больше двух месяцев, потому что мое ненасытное желание видеть чужие страны не давало мне покоя и я не мог усидеть дома. Я оставил жене полторы тысячи фунтов и водворил ее в хорошем доме в Редриффе. Остальное свое имущество, частью в деньгах, частью в движимости, я увез с собою в надежде приумножить его. Старший мой дядя Джон завещал мне поместье недалеко от Эппинга, приносящее в год до тридцати фунтов дохода, столько же дохода я получал от бывшей у меня в долгосрочной аренде харчевни «Черный Бык» в Феттер-Лейне. Таким образом, я не боялся, что оставляю семью на попечение прихода. Мой сын Джонни, названный так в честь своего дяди, посещал среднюю классическую школу и был хорошим учеником. Моя дочь Бетти (которая теперь замужем и имеет детей) училась швейному мастерству. Я попрощался с женой, дочерью и сыном, причем дело не обошлось без слез с обеих сторон, и сел на купеческий корабль «Адвенчер» вместимостью в триста тонн; назначение его было Сюрат, капитан – Джон Николас. Но отчет об этом путешествии составит вторую часть моих странствований.

Часть вторая Путешествие в Бробдингнейг

Глава I

Описание сильной бури. Посылка баркаса за пресной водой. Автор отправляется на нем для исследования страны. Он оставлен на берегу, его подбирает один туземец и относит к фермеру. Прием автора на ферме и различные происшествия, случившиеся там. Описание жителей.

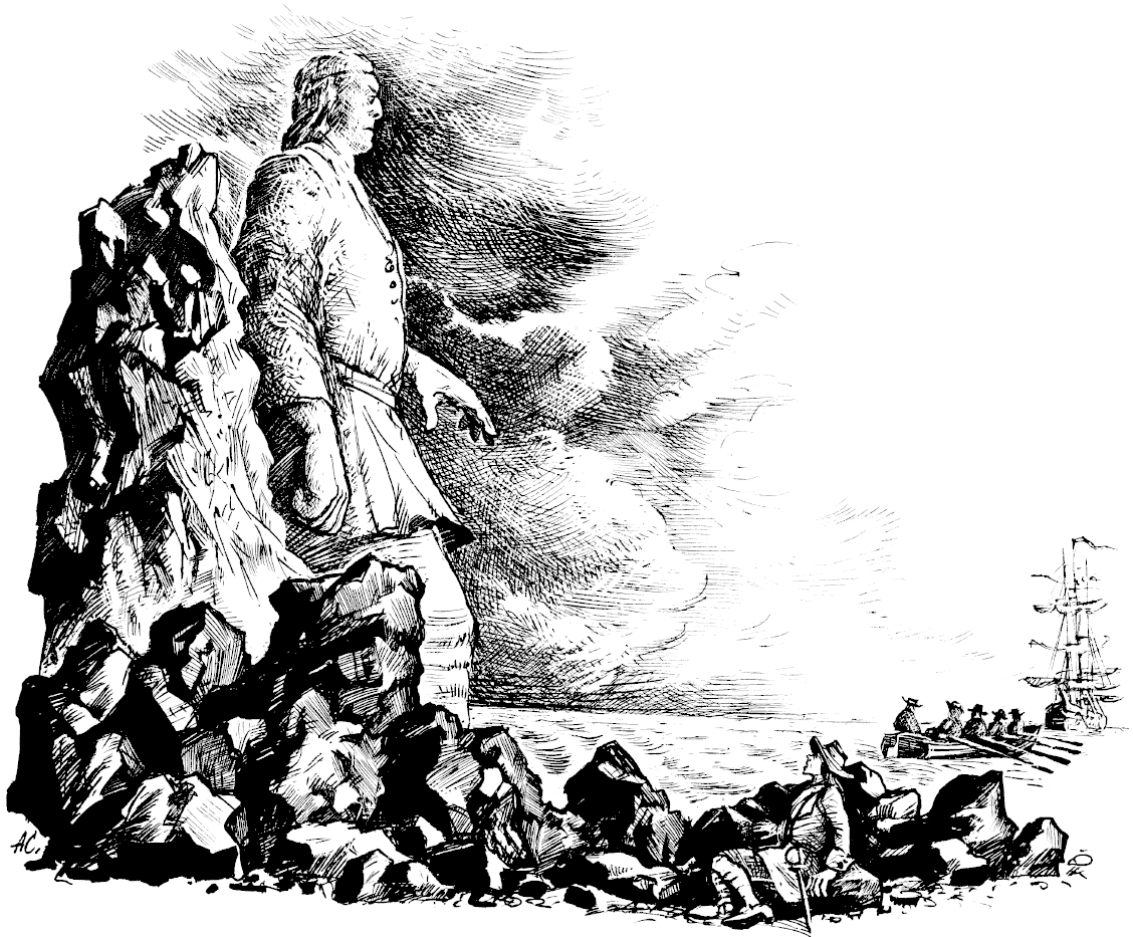
Надо думать, что сама природа и судьба предназначили меня к деятельной и беспокойной жизни, потому что через два месяца после возвращения домой, 20 июня 1702 года, я снова оставил отечество и сел в Даунсе на корабль «Адвенчер», отправлявшийся в Сюрат под командой капитана Джона Николаса из Корнуэльса. Ветер был попутный до мыса Доброй Надежды, где мы бросили якорь, чтобы запастись свежей водой. Но на корабле открылась течь, мы выгрузили товары и зазимовали, потому что капитан заболел перемежающейся лихорадкой и мы не могли покинуть мыс до конца марта; тогда мы наконец поставили паруса и благополучно совершили переход до Мадагаскарского пролива. Но когда мы вышли к северу от Мадагаскара и находились приблизительно на 5° южной широты, то умеренные северные и западные ветры, по наблюдениям моряков, постоянно дующие в этом поясе с начала декабря и до начала мая, 19 апреля вдруг сменились гораздо более сильным ветром, налетевшим прямо с запада и продолжавшимся двадцать дней подряд. Нас занесло за это время восточнее Молукских островов, на 3° к северу от экватора, как выходило по вычислениям капитана, сделанным 2 мая, когда ветер прекратился и наступил полный штиль, немало меня обрадовавший. Но капитан, человек опытный в плавании по этим морям, приказал всем нам приготовиться к буре, которая действительно и разразилась на следующий же день, когда поднялся южный ветер, известный под именем муссона.

Видя, что ветер сильно крепчает, мы убрали блинд и приготовились убавить фокзейл. Но погода становилась хуже; осмотрев, прочно ли привязаны пушки, мы убавили бизань. Корабль находился в открытом море, и было решено лучше идти по ветру, чем лечь в дрейф. Мы взяли рифы от фок-зейля и поставили его, затем натянули шкот. Румпель лежал на полном ветре. Корабль бодро держался. Мы закрепили спереди нирал, но парус разорвался. Тогда мы спустили рею, сняли с нее парус и весь такелаж. Буря была ужасная, море сильно бушевало. Мы натянули тали у ручки румпеля и пришли на помощь рулевому. Мы не думали спускать брам-стенги, потому что корабль шел по ветру, а известно, что брам-стенги помогают управлению кораблем и увеличивают его ход, тем более что перед нами было открытое море. Когда буря стихла, поставили грот и фок и легли в дрейф. Затем подняли бизань, большой и малый марсели. Мы шли на северо-восток, при юго-западном ветре. Мы укрепили швартовы к штир-борту, ослабили брасы у рей за ветром, сбросили под ветер и крепко притянули булина, закрепив их. Мы маневрировали бизанью, стараясь сохранить ветер и поставить столько парусов, сколько могли выдержать корабельные мачты.

Во время этой бури, сопровождавшейся сильным западным-юго-западным ветром, нас отнесло, по моим вычислениям, по крайней мере на пятьсот лиг к востоку, так что самые старые и опытные моряки не могли сказать, в какой части света мы находимся. Провианта у нас было вдоволь, корабль в хорошем состоянии, экипаж совершенно здоров, и только ограниченность запасов пресной воды внушала нам сильное беспокойство. Мы сочли, что лучше держаться прежнего направления, нежели отклоняться более к северу, так как при этом нас могло унести в северо-западные области Великой Татарии или к Ледовитому морю.

16 июня 1703 года стоявший на брамстеннге юнга увидел землю. 17-го мы подошли к острову или континенту (мы не знали), на южной стороне которого выдавалась в море коса и виднелась бухта, но не такой глубины, чтобы в нее мог войти корабль более ста тонн водоизмещения. Мы бросили якорь на расстоянии лиги от этой бухты, и капитан послал баркас с

десятком хорошо вооруженных людей, снабдив их сосудами для воды, если таковая будет ими найдена. Я попросил у капитана позволения присоединиться к ним, чтобы осмотреть страну и сделать открытия, какие будут в моих силах. Прибыв к берегу, мы не нашли ни реки, ни источника и ни малейших признаков населения. Поэтому матросы разбрелись по побережью в поисках пресной воды, а я отправился один в противоположную сторону, но на расстоянии мили кругом тянулись все те же бесплодные и скалистые места. Почувствовав усталость и не находя ничего любопытного, я стал медленно возвращаться к бухте; море широко открывалось передо мною, и, к немалому удивлению, я увидел, что наши матросы уже сели в баркас и гребут что есть мочи по направлению к кораблю. Я уже собирался окликнуть их, хотя это было и бесполезно, как вдруг заметил, что их энергично преследует в море человек исполинского роста; вода едва доходила ему до колен, и он делал огромные шаги, но так как наши успели отъехать не меньше чем на пол-лиги от него и море кругом было покрыто острыми скалами, то чудовище не могло догнать лодку. Все это мне рассказали потом, а в тот момент у меня не хватило мужества наблюдать за исходом погони, и я со всех ног бросился удирать; запыхавшись, я взобрался на крутой холм, откуда мог обозреть окрестности. Земля кругом была хорошо возделана, но меня поразила высота травы на лугах, достигавшая двадцати футов.

Я вышел на большую дорогу, так по крайней мере мне казалось, хотя для туземцев эта дорога была только тропинкой, пересекавшей ячменное поле. В течение некоторого времени я почти ничего не мог видеть, потому что приближалось время жатвы и ячмень был высотой футов в сорок. Только через час я достиг конца этого поля, обнесенного изгородью в сто двадцать футов вышины. Что касается деревьев, то они были так велики, что я совсем не мог определить их высоту. Чтобы попасть с этого поля на соседнее, нужно было подняться на четыре

ступени да еще перешагнуть через огромный камень. Мне не по силам было взобраться на эту лестницу, потому что каждая ступень имела шесть футов вышины, а верхний камень – больше двадцати. Поэтому я старался найти какую-нибудь щель в изгороди, как вдруг увидел, что с соседнего поля к лестнице подходит исполин, такой же огромный, как и тот, который гнался за нашим баркасом. Ростом он был с колокольню, а каждый его шаг, насколько я мог прикинуть, равнялся десяти ярдам. Объятый ужасом и изумлением, я поспешно убежал и спрятался в ячмене, оттуда я увидел, что великан, взобравшись на ступеньки, оглядел соседнее поле справа и позвал кого-то голосом, звучавшим во много раз громче, чем наш голос в рупор; он раздавался с такой высоты, что сначала я принял его за раскаты грома. На зов к нему тотчас подошли семь таких же чудовищ с серпами в руках, каждый серп величиной с шесть наших кос. Эти люди были одеты беднее и являлись, по-видимому, его слугами или работниками, потому что после нескольких его слов отправились жать на то поле, где я спрятался. Я старался держаться от них подальше, но мог двигаться лишь с большим трудом, так как в некоторых местах расстояние между стеблями было не больше фута и я едва продирался между ними. Тем не менее я кое-как добрался до той части поля, где ячмень был повален дождем и ветром. Здесь я не в силах был сделать ни шагу дальше: стебли так переплелись, что не было никакой возможности ползти между ними, а усики поваленных колосьев были так крепки и остры, что прокалывали платье и вонзались в тело. Между тем я чувствовал, что жнецы находятся от меня не дальше ста ярдов. Разбитый усталостью и уничтоженный горем и отчаянием, я лег в борозду и от всего сердца пожелал смерти. Я оплакивал покинутую жену и сирот-детей. Я горько сетовал на свои безрассудство и упрямство, побудившие меня предпринять второе путешествие вопреки советам родных и друзей. Подавленный и встревоженный, я невольно вспомнил Лилипутию, жители которой смотрели на меня, как на величайшее чудо в свете, там я был способен тащить одной рукой весь императорский флот и совершить много других подвигов, которые увековечены в летописях этой империи и покажутся невероятными потомству, хотя они и засвидетельствованы миллионами очевидцев. Я представил себе унижение, ожидающее меня у этого народа, здесь я буду казаться таким же ничтожным существом, каким казался бы среди нас любой лилипут. Но без сомнения это было еще не самое худшее из несчастий, ожидавших меня; ведь если человеческая дикость и жестокость, как свидетельствует наблюдение, увеличиваются пропорционально росту, то чего мне было ожидать теперь, кроме печальной участи быть съеденным первым же огромным варваром, которому случится поймать меня? Несомненно, философы правы, утверждая, что понятия великого и малого суть понятия относительные. Быть может, судьбе угодно будет устроить так, что и лилипуты встретят людей, столь же малых сравнительно с ними, как они были малы по сравнению со мной. И кто знает, быть может, в какой-нибудь отдаленной и неизвестной нам части света существует порода смертных, превосходящих своим ростом даже этих гигантов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.